

ЖУКОВЩИНА И АНТИЖУКОВЩИНА

Борис Ихлов

Юрий Жуков – с лицом испитого потомственного вахтера, не удивляйтесь – это доктор исторических наук. Книга Юрия Жукова «Иной Сталин» вышла в свет в 2003 году. Иной – то есть, не виноватый в репрессиях. Прошло всего 7 лет, и в 2010 году в передаче «Суд времени» тот же Жуков уже предстал на стороне либералов, в команде Сванидзе-Млечина, и рассказывал либеральные басни, как Стаханова всё время хотели побить на улице. Немногим позже Жуков снова перестроился, снова стал сталинистом. Но до этих перестроек, и сразу в 2003-м, и в 2009-м, либералы решили покарать Жукова.

Разбираем две статьи, материал небезынтересный, постарайтесь не выплеснуть с водой и ребенка, либералы во многом точно бьют по Жукову. «Воду» - удалил, мои комментарии внутри текстов авторов – жирным шрифтом.

Чернявский Г.И., профессор университета им. Дж. Гопкинса. Балтимор, США. Новые фальсификации "большого террора"// Вопросы истории. 2009 г. N12. С.155-164.

«Наше нелегкое время породило огромный поток литературы, претендующей на коренное или по крайней мере существенное изменение исторических представлений. Среди авторов подобных книг есть и отъявленные авантюристы, именующие себя историками. Достаточно упомянуть Игоря Бунича, цитирующего массу документов, которые он якобы обнаружил в архивах, но при этом никогда не указывающего местонахождение этих материалов по той простой причине, что обнаружить их невозможно - они представляют собой плод воображения Бунича. В числе авторов, "опрокидывающих" историю, - часто специалисты различных других отраслей знания, но в то же время дилетанты в области историографии, лица, не владеющие элементарными навыками источниковедения. Тем легче они берутся за то, чтобы "заново прочитать" достоверные документы и перевернуть складывавшиеся веками коренные исторические представления, а то и "сократить" сами эти столетия мировой истории, как делают математики А. Т. Фоменко и Г. В. Носовский.

(Носовский – профессиональный историк, оба они указывают на очевидные вещи – на несоответствие дат времени затмений, на известные всем историкам несуразницы жизни Ивана Грозного, Ольги и пр., на ставшее теперь очевидностью переписывание истории новыми властями. Что до лингвистических нелепых изысков, они относятся к лингвистике, Б. И.)

Среди авторов такого рода сочинений немало журналистов, известных и неизвестных, высказывающих весьма смелые суждения по ключевым историческим проблемам... социально-политические сдвиги последних лет укрепили тенденцию к усилению сталинистской мифологии (да не сдвиги, а полный провал либеральных реформ, Б. И.), этот процесс идет как сверху, по инициативе властных институтов, так и снизу, под напором общественных элементов, тоскующих по "сильной власти".

Среди книг и статей о Сталине и сталинизме, появившихся в последние годы в РФ... имеются серьезные исследования, авторы которых отказываются от политических негативных стереотипов, но и не ставят задачей реабилитацию "великого вождя и учителя", а стремятся объективно изучить различные этапы жизни и деятельности советского тирана, сущность той системы, которая сложилась под его руководством, с выявлением разнообразных, порой весьма сложных причинно-следственных связей². Такие работы содержат новые факты или опровергают устоявшиеся стереотипы (например, о том, что Сталин был агентом царской охранки или же что он являлся, по выражению Л. Д. Троцкого, "гениальной посредственностью" (все это опровержение было хорошо известно еще советским диссидентам-историкам 80-х, Б. И.)), в них раскрываются новые стороны и штрихи явлений, связанных со сталинщиной (например, личная роль Сталина не только в определении общего характера "большого террора", но и в деталях организации кровавой расправы с целыми слоями населения или национальностями (по слою населения, разумеется, понимается интеллигенция, а под национальностями имеются в виду воевавшие на стороне Гитлера крымские татары и собиравшиеся воевать на его стороне чеченцы, Б. И.)). Но и эти удачные исследования нередко используются просталинскими силами в своих интересах, к науке никакого отношения не имеющих.

Нечто подобное имело место в Германии в 1970-е годы, когда серьезно стала изучаться биография А. Гитлера - по многим параметрам духовного собрата Сталина. Когда появилась книга В. Мазера³, в которой на широкой документальной базе воссоздавался облик нацистского диктатора - не внушавшее ужас исчадие ада, а "обыкновенный" военный и политический преступник, - общественная реакция на нее была двойственной. Решительные антинацисты, главным образом социал-демократы, восприняли ее как попытку реабилитировать Гитлера путем его "очеловечивания". В то же время крайне правые, в частности неонацистские группы, обладавшие в Германии, впрочем, незначительным влиянием, трактовали Мазера, а затем и авторов других биографий Гитлера как чуть ли не своих союзников в попытках возродить гитлеровскую мифологию.

Но подобные попытки в ФРГ не срабатывали, и продолжались они недолго. Там произошла глубокая денацификация, затронувшая мысли и чувства основной массы населения

(и мы это видим не только по возрождению фашизма в Германии, который, кстати, никуда не исчезал – вспомним, как генерала вермахта Хойзингера, коллегу повешенных Кейтеля и Йодля, назначили командующим силами НАТО в Западной Европе, генерала Гелена – начальником разведки ФРГ, а фашиста Гудериана – главным теоретиком бундесвера; мы это видим еще и по тому, как Германия вместе со США организовала фашистский путч на Украине и поддерживает бандеровцев точно так же, как эсэсовцев в странах Прибалтики, Б. И.). Неонацистские группы быстро распадались и в силу реализации антинацистского законодательства, и в результате естественной потери сторонников (поэтому они существовали и существуют по сей день, поощряемые властью, одно выступление мальчика Коли из

Уренгоя в буддестаге чего стоит, Б. И.).

Совершенно иначе обстоит дело в современной РФ... происходит возрождение сталинистских легенд. Авторы такого рода сочинений, как правило, не используют источники, либо фальсифицируют их, либо, наконец, "изобретают" фиктивные документы. Примерами такого рода литературы могут служить книги Е. А. Прудниковой, В. Лескова, Р. Баландина и С. Миронова (**можно добавить Колпакиди, Маркова, В. Сахарова и пр., Б. И.**). Прудникова представляет своего героя в качестве бескорыстного романтика и в то же время трезвого прагматика, в итоге - просто хорошего человека. "Чем больше я узнавала этого человека, - умиляется автор, - тем лучше и лучше он становился в моих глазах и тем отвратительнее выглядела та вакханалия, которая вот уже 50 лет никак не может утихнуть"⁵. Лесков распространяет версию будто военный заговор в СССР действительно существовал, что жертвы сталинского террора не могут быть реабилитированы, ибо они действительно являлись врагами общества, а Сталин имел основания расправиться с ними. Так же и Баландин и Миронов книгу, не имеющую ни единой ссылки на документы, завершают сентенцией: "Если России суждено возродиться, то начнется возрождение именно с осознания и реабилитации 30-х годов. Стране, которая забывает и даже поносит свое славное прошлое, которая предаст великие завоевания былых поколений, нет смысла существовать"⁷. ...

В то же время подчас появляются издания, которые, формально обладая признаками исследования, столь же далеки от объективного научного анализа. Появившаяся в 2003 г. книга "Иной Сталин"⁸ является характерным примером такого рода квазинаучного труда. Предприятие оказалось настолько выгодным в коммерческом отношении, что "Вагриус" повторно издал книгу Жукова через 2 года, в 2005 г., а только что появилась и еще одна версия этой работы под названием "Народная империя Сталина" (М. ЭКСМО. 2009), сопровождаемая рекламным анонсом, где, в частности, говорится, что в книге "показан масштаб демократизации советского общества, которую предполагал провести "узкий круг" власти во главе со Сталиным, а также почему эти планы не удалось провести в жизнь".

Ю. Н. Жуков - не новичок в исторической науке. В 1992 г. он защитил докторскую диссертацию, хотя и не решавшую существенных научных проблем, но по заслуживающей внимания теме⁹, затем написал две книги¹⁰. В настоящее время Жуков является ведущим научным сотрудником Института российской истории РАН.

Изданию книги, о которой идет речь ниже, предшествовал ряд статей и, по сути, пиаровская кампания в СМИ. Пик ее - интервью с журналистом А. Сабовым, опубликованное в 9 номерах самой многотиражной газеты РФ¹². Интервьюер всячески прославлял собеседника, попадая иногда пальцем в небо. Он утверждал, напр., что Жуков "первым разгадал загадку убийства Кирова", тогда как реальные обстоятельства этого преступления... остаются тайной по сей день. Без ложной скромности Жуков в интервью называет свои находки, особенно образец избирательного бюллетеня 1937 г. с перечнем трех кандидатов, сенсационными. В то же время в интервью масса фактических ошибок. В соответствии с законами пиара в "КП" последовал и отклик - журналистка О. Кучкина робко поставила утверждения Жукова под сомнение, по существу, только оттеняя безапелляционный характер его утверждений.

Сама же книга открывается двухстраничным введением, в котором нет ни постановки проблемы по существу, ни историографического обзора, ни источниковедческого анализа. Вместо этого автор до предела примитивизирует подходы к личности Сталина. Жуков ставит на один уровень "сталинистов" и "антисталинистов", которые, мол, "дружно приписывают Сталину, ему одному и только ему, ответственность за все, что происходило со страной и в стране". Это позволяет ему работы нескольких авторов, пытавшихся разобраться в сущности сталинизма, приравнять к сочинениям "сталинцев", весьма далеко отстоящим от науки.

(и кто ж эти авторы? Но именно здесь Жуков прав – только противники марксизма могут утверждать, что в сталинизме виновен один-единственный человек, тогда как исторический материализм, не отрицая роли личности в истории, во главу угла ставит классы. А не царей, Б.И.)...

На протяжении всей книги он ссылается на архивные фонды, как правило, не считаясь с тем, что цитируемые документы уже введены в научное обращение специалистами или опубликованы в археографически квалифицированных изданиях, не полемизирует с научными взглядами других историков.

Научная беспристрастность, на которую претендует Жуков, вполне проявляется уже в первой главе, где он превозносит Сталина как мудрого политика, выдающегося специалиста по национальному вопросу

(нельзя назвать книгу Сталина о национальном вопросе плохой, она во многом верна, но, мягко говоря, не выдающаяся, Б. И.).

И здесь, и на протяжении всей книги Сталин предстает как ответственный патриот-"государственник", сторонник унитарной страны с первых лет после революции 1917 г. Именно этим Жуков объясняет сталинский план автономизации, который не был реализован "в немалой степени из-за того, что Ленин занял прямо противоположную позицию". Автор лишь забывает добавить, что на этой же политической позиции стоял и сам Ленин до того, как болезнь существенно повлияла на его дееспособность и он признал, не весьма логично, свою вину "перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации, официально называемый, кажется, вопросом о союзе советских социалистических республик".

(Это, разумеется, неверно, всем известна реакция Ленина на держимордовское поведение Сталина и Орджоникидзе в Грузии; Ленин выступал за самостоятельность республиканских наркоматов, а сталинский план автономизации, который усиливал вы власть центра, проваливался неоднократно; Чернявин даже не замечает, что план автономизации Жуков представляет искаженным, Б. И.)

Основное внимание в книге сосредоточено на 30-х. В этот период Сталин у автора действует не как единовластный правитель. Жуков порывает с доказанными суждениями десятков специалистов о том, что к концу 20-х в СССР сформировалась единоличная власть Сталина. Жуков вообще не удостоивает внимания документальные доказательства этой точки зрения. Уже в начале книги автор вводит понятие "узкое руководство", которое в примечании определяется как "неформальная группа внутри П[олит]Б[юро]... присвоившая себе всю полноту власти и потому принимавшая от имени ЦК партии и правительства СССР важнейшие для судеб страны решения". Ниже вводится и понятие "широкого руководства", которое автор разъясняет как состоявшее из первых секретарей ЦК республиканских компартий и обкомов (крайкомов), а

также наркомов, каковые утверждали решения Политбюро и "юридически стояли над ПБ, включая узкое руководство". Именно эти произвольно сконструированные понятия, реальность которых никак в книге не обосновывается, служат той базой, на которой делаются все дальнейшие "новаторские" умозаключения.

Термины "узкое руководство" и "широкое руководство" повторяются чуть ли не на каждой странице. Они служат вполне определенной цели, состоящей в том, чтобы убедить: до 1937 г. (по крайней мере) в СССР существовало своего рода "коллективное руководство", основанное на взаимодействии обеих групп, а Сталин был "лишь" членом "узкого руководства", которое, в свою очередь, действовало отнюдь не по своей воле, ибо зависело от "широкого руководства". В обоснование Жуков ссылается на разнообразные документы, общим для них является, на беду, лишь то, что с выдвигаемыми автором положениями они находятся, так сказать, в "разных измерениях" и ничего не подтверждают. **(Тем не менее, Жуков приводит списки расстрельных лимитов 1937-1938 гг. и указывает, что под ними стояла подпись лично Сталина; с тем, что были масштабные репрессии, с применением пыток, что Сталин санкционировал пытки, что Сталин лично ответственен за репрессии, признает и Колпакиди, сотрудничающий с Прудниковой, Б. И.)**

Во-первых, значительная часть использованных Жуковым документов не имеет никакого отношения к утверждениям, которые автор стремился обосновать, а во-вторых, подход к источникам в его книге не выдерживает никакой научной критики.

В Историко-архивном институте, где учился в свое время доктор Жуков, ему, конечно, объясняли, что такое "внутренняя критика источников", что такое герменевтика. Однако это осталось без последствий для авторского подхода к документам. Их текст воспринимается как некая очевидность, и даже не ставится вопрос о связи этого текста с общей ситуацией в партии и стране, о том, что документ, может быть, был подготовлен именно с целью ввести в заблуждение, исказить истину. Между тем именно таковыми были партийные документы сталинской эпохи. Демагогия и лицемерие Сталина и его окружения, партийных чиновников различных рангов убедительно доказаны историками. Обширный материал на этот счет приведен в монографиях американского историка С. С. Монтефиоре и венгерского исследователя М. Куна, использовавших ранее недоступные документы из личного фонда Сталина и других хранилищ, как и в названных выше книгах Б. С. Илизарова, Г. В. Костырченко, М. Вайскопфа и др. ...

Наряду со столь доверчивым отношением к источникам, рассматривая их вне связи с общими свойствами документации сталинской эпохи, с сущностью того режима, который существовал в СССР, Жуков широко пользуется и другим неприемлемым для профессионального историка методом, когда выдвигаемые предположения вслед за этим рассматриваются как непреложные истины. Вся книга наполнена заявлениями типа "скорее всего", "весьма возможно" ("очень возможно" или просто "возможно"), "судя по всему", "может быть" и т.п. Но вслед за этим, как бы забывая о вводных условных выражениях, автор трактует все то, что выведено из собственных предположений, в качестве основных конструкций своей постройки. По поводу доклада Сталина на XVII съезде ВКПб Жуков высказывает мнение, что докладчик "скорее всего" расценил отсутствие реакции на его слова о возможной поддержке Лиги Наций либо как непонимание смысла им сказанного, либо как "нежелание ортодоксальных кругов партии начинать дискуссии по этому поводу". А вслед за этим идет речь об особенностях сталинских высказываний на съезде, якобы прямо вытекающих из особой позиции "ортодоксальных кругов". В другом месте автор пытается объяснить, почему в 1934 г. подготовку доклада "по конституционным вопросам" поручили А. С. Енукидзе. На этот раз употребляется выражение "судя по всему". Но никаких доказательств суждений, которые следуют за этим, найти в книге невозможно. Подобных примеров можно привести множество.

Подчас в книге можно встретить признания преступности сталинского режима или конкретных действий Сталина. Эти признания находятся, однако, в прямом противоречии со всем контекстом, а в некоторых случаях автор как бы забывает о подобных суждениях и делает прямо противоположные выводы. Касаясь провальных "достижений" первой пятилетки, Жуков отмечает и выкачивание всех средств из деревни, и широкое использование труда заключенных, и массовое изъятие церковных ценностей, и продажу полотен великих мастеров за рубеж и т.п. И следует ничем не доказываемый апологетический вывод: "Именно такое решение оказалось не просто единственно верным, но и своевременным".

(Разумеется, изъятие церковных ценностей – это плюс, а не минус, продажа полотен великих мастеров не доказана, а план 1-й пятилетки хоть и не выполнен, но не провальный; что касается выкачивания средств из деревни, то здесь нужно помнить не только Сталина, но и «ножницы» Троцкого, ведь Сталин в этом следовал Троцкому, Б. И.)

Все эти приемы, которые никак нельзя признать соответствующими требованиям исторической науки, служат определенной цели, указанной в подзаголовке книги: обосновать мнение, что в середине 30-х годов "узкое руководство" стояло на прогрессивных позициях и задумало политическую реформу, которую не удалось провести из-за сопротивления консервативного аппарата, или, следуя авторской терминологии, "широкого руководства".

Именно для этой цели автору и понадобилось искусственно разграничивать два уровня руководства, хотя существование какого-то "узкого руководства" как такового автор не доказал и не мог доказать, ибо, во-первых, высшая власть была сосредоточена в руках Сталина, так что остальное "руководство" послушно выполняло волю вождя, дрожа за собственную судьбу, а во-вторых, никаких четких разграничений в этом отношении внутри "руководства" не было. Я. А. Яковлева, который заведовал сельскохозяйственным отделом ЦК, Жуков к "узкому руководству" не причисляет, но тем не менее приписывает ему весьма важную роль в якобы проектировавшейся политической реформе.

(Это уже визг... Разумеется, узкое руководство существовало, этого никто не отрицает. И широкое тоже. Жуков ошибается только в оценке их роли. Узкое руководство было полностью подчинено Сталину, широкое руководство не могло влиять на решения, оно было способно лишь или перевыполнять, или тормозить, Б. И.)

Приход нацистов к власти в Германии, можно согласиться, создал некий рубеж во внешней политике сталинского

руководства. Но это был не стратегический, тем более не программный рубеж. Что же касается внутренней политики, то воздействие на нее международной обстановки свелось лишь к показательным мерам, призванным, во-первых, представить СССР перед западной общественностью в благоприятном свете, а во-вторых, выдать усиливавшиеся репрессии, переросшие во второй половине 1936 г. в "большой террор", за отпор нацистской "пятой колонне", за обеспечение внутренней стабильности с целью должного отпора внешнему врагу, что и показано в обширной научной литературе.

(Вот этот момент я тоже отметил у Жукова! «Представить СССР перед Западом...» Только это были вовсе не показательные меры.

Во-первых, Сталин уже окончательно, юридически ликвидировал остатки Советской власти, узаконив ее в буржуазный парламент – и Жуков пишет об этом.

Во-вторых, Запад объявлял Гитлера человеком года, разве обвинение Бухарина и пр. в том, что он агентам Гитлера означало бы представить СССР в благоприятном свете? Ни в коей мере.

Смысл был в другом: показать мировой буржуазии, что те, кто ее экспроприировал в 1917-м, больше опасности не представляют. Больше того, выставлением напоказ, на открытых судах большевиков как иностранных шпионов и врагов народа, Сталин так дискредитировал ленинскую партию, что нанес непоправимый ущерб международному коммунистическому движению, и мировая буржуазия сказала Сталину «большое спасибо», Б. И.)

Обеяя Сталина, Жуков пытается представить дело так, что провозглашенный "узким руководством" курс на создание системы коллективной безопасности, на присоединение к Лиге Наций означал отказ от идеи мировой революции и "пересмотр внутренней политики, в которой пришлось бы соотноситься с уставом международной организации". Оставив в стороне невразумительность термина "соотноситься с уставом", отмечу, что советское руководство сосредоточило свое внимание на внутренних проблемах страны в ущерб идее "мировой революции" значительно ранее - в середине 20-х годов, когда Сталиным был выдвинут лозунг "построения социализма в одной стране в условиях капиталистического окружения". Уже в 20-е годы Л. Д. Троцкий, пропагандировавший свою идею "перманентной революции", стал называть этот курс "национальным социализмом", не проводя, правда, аналогии с национал-социализмом Гитлера. За авансценной теоретических споров маячили значительно более земные дела. Теория не волновала Сталина - уже тогда для генсека "социализм в одной стране" был лишь удобным инструментом в борьбе за личную власть и ее укрепление.

(Так сосредоточение внимания на внутренних проблемах – или инструмент в борьбе за личную власть? И как можно забыть о внешнем окружении или, наоборот, о внутренних проблемах, что за чушь? Типично западная хлестаковщина, легкость в мыслях у автора необычайная. Чернявский, слыша звон, не в состоянии сформулировать, что к чему. Если учесть, что мировая революция не состоялась, значит, нечего ждать помощи от пролетариата развитых стран, а двигаться к госкапитализму, за что Ленина обвиняли левые марксисты, заключать поверх голов компартий договоры с буржуазными правительствами, учреждать концессии, вводить НЭП. Сталин ликвидировал концессии и удушил НЭП. Это и есть сосредоточение на внутренних проблемах?

И как отождествить версию «социализма в одной стране» с личной властью – ведь речь шла, с одной стороны, о том, чтобы «представить СССР в выгоном свете», мол, мировая буржуазия может не бояться. А с другой – обеспечить на десятилетия властное положение огромного слоя партаппаратчиков!

И что это за дичь, мол, теория не волновала Сталина? А дикая теория нарастания классово-борьбы, а его «вклад» в языкознание (кстати, против лысенковца Марра!), а его «Экономические проблемы социализма» в 1952-м, когда о борьбе за власть и думать было грешно?

И о каком национал-социализме тут подмахивает Чернявский, ссылаясь на Троцкого, но вспоминая Гитлера, если «пролетарии всех стран, соединяйтесь»? Разница между пролетарским интернационализмом и национализмом непонятна Чернявскому, Б. И.)

В то же время ни в 20-е, ни в 30-е годы Сталин (именно он и только он к 30-м годам воплощал в себе "узкое руководство") отнюдь не отказывался от "мировой революции" в смысле поддержки зарубежных компартий в качестве прямой агентуры Москвы. Отсюда двойственность и лицемерие советской внешней политики, разговоры о "нормальных отношениях" с капиталистическими странами, с одной стороны, и подрывные действия против них - с другой (**подрывными действиями автор именуется борьбу с капиталом, Б. И.**). Руководители советской внешней политики не уставали твердить о независимости Коминтерна, о том, что это якобы совершенно самостоятельная "общественная" организация, не имеющая отношения к государственным внешнеполитическим делам. Этой лжи за рубежом не верили, но ее терпели, чтобы не идти на прямой дипломатический разрыв (??? **Что за светская чепуха, Б. И.**). Еще в 1924 г. "Правда" представила более или менее реальную картину в карикатуре, изображавшей развалившегося в кресле председателя Коминтерна Зиновьева, мечущего грома и молнии по адресу империалистов, и ссутулившегося на заднем плане молчаливого наркома иностранных дел Чичерина. Постепенно реальное соотношение ролей изменилось, Зиновьев утратил какое-либо влияние, а затем и Коминтерн, но двойственность партийно-государственной внешней политики сохранялась на всем протяжении существования СССР. Принципиальных же новаций, якобы обнаруживаемых Жуковым, в 1933 г. не было. Те изменения в политике СССР, которые возникли после прихода нацистов к власти, определялись линией, продиктованной Сталиным, а не каким-то "узким руководством", и никакой оппозиции этой линии в кругах партбюрократии не было; этот курс послушно воспринимали и те круги, которые в книге определяются как "широкое руководство"; да и сами эти изменения касались не сущности социально-политического режима, а его некоторых внешних форм...

Автор книги выдает демагогические, лживые агитационно-пропагандистские приемы, которыми пользовалась власть для обмана населения и зарубежной общественности, за серьезные политические акции. Чего стоит, например, его заявление о

том, что в середине 30-х годов власть отказалась от диктатуры пролетариата путем введения прямых выборов и равных прав городского и сельского населения! Как будто не существует десятков исследований, в которых показано, что "диктатура пролетариата" не существовала никогда, что с самого момента Октябрьского переворота 1917 г. установилась диктатура партии, точнее ее верхушки, которая к концу 20-х годов сменилась личной властью Сталина

(это неверно, если б диктатуры пролетариата не было, и Гражданскую бы проиграли, и экономику бы не восстановили; еще до 1917 года Советы имели значительную власть. Партийная элита, что ли, бегала по всем предприятиям?)

А вот диктатура партии воцарилась лишь после 1923 года, на это указывал Ленин, а XII съезд РКПб постановил, что диктатура пролетариата выражается в форме диктатуры партии; тогда как Ленин в работе «Государство и революция» прямо пишет, что диктатура пролетариата выражается в форме советской власти, «форме, найденной самими рабочими», Б. И.)

В подтверждение своей легенды о том, что в середине 30-х годов "узкое руководство" приступило к проведению глубокой политической реформы, направленной на реальную демократизацию путем введения всеобщего избирательного права, тайного голосования, альтернативных выборов и т.д., и что "широкое руководство" всячески сопротивлялось этим "мудрым" нововведениям, Жуков пытается привести некие "тайны Кремлевского двора", которые на проверку либо вообще не относятся к делу, либо являются плодом авторского воображения.

Весьма подробно, например, рассказывается о так называемом "Кремлевском заговоре", к которому был пристегнут секретарь ЦИК СССР Енукидзе. По мнению Жукова, секретарь ЦИК якобы отверг новый курс "узкого руководства", да еще и сделал это "демонстративно". Но версия эта в книге не подтверждена ни единым словом. Более того, речь идет о прямо противоположном - о работе Енукидзе под руководством Сталина над проектом изменений в избирательной системе. Действительные причины того, что Енукидзе был вначале устранен со своего поста, а позже был уничтожен (он, видимо, был одним из немногих сподвижников вождя, по поводу кого можно сказать, что причины расправы с ними действительно существовали), лежали в совершенно иной плоскости. Будучи соратником Сталина по дооктябрьскому подполью, он слишком много знал о реальной роли "вождя" в большевистском движении. Кроме того, он был близок к жене Сталина Н. С. Аллилуевой, оказывал на нее влияние и, в результате, заработал сталинское подозрение и неприязнь уже в начале 30-х.

Подробно рассказывая о том, как готовился проект новой конституции СССР, как он обсуждался на пленумах ЦК ВКПб, а затем и на съездах Советов, Жуков стремится создать впечатление, что "группа Сталина" столкнулась с жестким сопротивлением партийного аппарата проектируемым нововведениям, которые будто бы планировались весьма серьезно. Хотя все здесь основано на предположениях, допущениях, "вполне возможных" вариантах и т.п., вопреки элементарной логике, автор считает свою версию доказанной. Жуков домысливает всевозможные тактические уловки, хитрости и т.д., к которым якобы прибегало "узкое руководство" для того, чтобы обыграть партийно-государственный аппарат. "Группа Сталина все еще отказывалась принять те правила игры, которые ей навязывало широкое руководство", - утверждает автор, описывая события начала 1937 г. Что же последовало в качестве результата? Оказывается, исходя "скорее всего" (как обычно в таких случаях!) из того или иного отношения секретарей обкомов к реформе, начался перевод их "с повышением или понижением" из одного региона в другой. Доказать же, что дело именно в этом, автор, разумеется, не в состоянии. В числе иллюстраций, опубликованных в книге, фигурирует образец избирательного бюллетеня перед выборами в ВС 1937 г., которому придается особое значение, ибо, по словам Жукова, это - "неоспоримое доказательство готовившихся в 1937 г. выборов в советский парламент на альтернативной основе - с несколькими кандидатами". Еще энергичнее автор оценивает эту свою "находку" как сенсационную в интервью в "Комсомольской правде", где также публикуется фотокопия. Что же здесь служит столь неоспоримым доказательством? Это, оказывается, три фамилии, пропечатанные в образце, и указание оставить фамилию только одного кандидата, а остальных вычеркнуть... Автор комментирует: "К сожалению, таких выборов пришлось ждать полвека". Почему же, позвольте спросить? Те, кто участвовал в выборах в фиктивный "советский парламент", и Жуков в их числе, должны помнить, что именно такой бюллетень - с напоминанием оставить только одного кандидата, им выдавали на избирательных участках (**Чернявский пишет чепуху, во всех странах в бюллетенях надо оставлять только одного кандидата, Б. И.**). Суть дела заключалась, однако, в том, что вычеркивать было некого - "морально-политическое единство советского народа" было таковым, что в бюллетене избиратель встречал только одну фамилию, а если б их было и пять, результат от этого не зависел.

Подвернув убедительной критике статью и интервью Жукова о конституции 1936 г., И. В. Павлова не исключает возможности того, что первоначально на местах допускалось выдвижение нескольких кандидатов власти "общественными" организациями. Она, однако, показывает, что последовавшие разъяснения были "поняты адекватно. По каждому избирательному округу изначально выдвигался только один кандидат"¹⁹. Точности ради, можно лишь отметить, что, начиная с 1937 г., как правило, выдвигались две кандидатуры - одного из "руководителей партии и правительства", который затем давал согласие баллотироваться только в одном округе, и второго, реального кандидата, за которого почти единогласно голосовали на безальтернативных выборах. Можно ли сомневаться, что именно такая обманная процедура намечалась с самого начала? Думается, Жуков не настолько прост, чтобы верить в собственные фантастические построения. **(Неясно, зачем Жуков показывает бюллетень, если «пришлось ждать полвека». Смысл?)**

Другое дело, что Чернявскому зачем-то обязательно надо, чтобы у избирателей обязательно был выбор, кто именно их будет подавлять до следующей парламентской кампании. Чернявский элементарно необразован, он тешится пропагандистскими штампами конца 80-х, тогда как во всем мире парламентаризм терпит крах, во всем мире растет абсентеизм, даже на президентских выборах. Все уже поняли, что это игра, навязанная низам верхами, от результатов выборов практически ничего не зависит. Сами парламенты фактически безвластны, потому не играет никакой роли, сколько фамилий в бюллетене. И то, что Сталин сделал из Советской власти именно буржуазный парламент, не в силах понять Чернявский, Б. И.)

В качестве своего рода высшей точки противостояния "широкого" и "узкого" руководства автор изображает, причем совершенно произвольно, решение Политбюро, принятое в конце июня 1937 г., о вскрытой в Западной Сибири "повстанческой" организации среди высланных кулаков. Жуков называет это решение весьма странным, окруженным плотной завесой тайны. Решение это, по его словам, не было нигде зафиксировано, но тем не менее автор приводит некий его текст, что уже само по себе выглядит интригующе. Он, далее, сообщает, что решение "появилось на свет как реакция на обязательную в таких случаях инициативную записку Р. И. Эйхе" (в то время секретаря Западносибирского крайкома партии). Записка Эйхе, продолжает Жуков, не найдена, но содержание ее "можно реконструировать с большой достоверностью". Весь этот эпизод, действительно, выглядит весьма странно, но не по существу самого решения, влекшего за собой новые потоки крови..., а по тому, как он преподносится автором...

Начну с того, что в статье, предшествовавшей появлению книги, Жуков упомянул записку Эйхе как документ, с которым он познакомился и на который он дает архивную ссылку. В статье говорится: "Эйхе решил вновь истребовать от узкого руководства то право, которое он трижды получал осенью 1934 г. во время хлебозаготовок. Право единолично, бесконтрольно и без суда и следствия выносить смертные приговоры. В записке, направленной политбюро, он в самых мрачных фасках описал ситуацию, сложившуюся в крае... Шантажируя таким образом узкое руководство, Эйхе вынудил ПБ утвердить... нужное решение: образовать "тройку"... Дать им возможность установить число лиц, подлежащих расстрелу, и сколько людей необходимо незамедлительно выслать из края". Далее следует сноска на Российский госархив новейшей истории со всеми полагающимися в таких случаях поисковыми данными²⁰. Сноски для того и делаются, чтобы по ним можно было обратиться к этому источнику. Сделав такую попытку, Павлова обнаружила, что он ссылается на несуществующий документ, что в соответствующей единице хранения подобной записки Эйхе нет. Конечно, можно было бы предположить, что в сноске вкралась неточность, что пресловутая записка хранится в каком-то ином месте. Соответствующее место в книге Жукова, как бы игнорирующего указание Павловой, изложено все же по-иному. Жуков уже не утверждает, что он ознакомился с докладной запиской Эйхе. Он признает, что записка не найдена, но позволяет себе "реконструировать" ее содержание на основании все того же испытанного метода: "вполне возможно". Нельзя не отметить еще одну "загадку", связанную со злосчастным решением Политбюро, которое, напомним, по словам Жукова, нигде не зафиксировано, но тем не менее приводится им в кавычках. На самом деле это решение зафиксировано, а недавно и опубликовано. Первый его пункт, действительно, предписывает применить "высшую меру наказания" ко "всем активистам повстанческой организации среди высланных кулаков", разночтения с текстом, опубликованным у Жукова невелики. Во 2-м пункте речь о создании "тройки", которая будет этим заниматься; в подлинном документе - "для ускоренного рассмотрения дел", у Жукова - "для быстрого разрешения вопроса", как будто он еще не решен.

Несуществующей докладной записке Эйхе Жуков придал некую мистическую силу, назвав ее "тем камушком, который вызвал страшную горную лавину". Именно она, мол, спровоцировала новое решение ПБ от 2 июля, распространившее расправу с бывшими "кулаками" на всю страну. И на этот раз автор, однако, пытается как-то смягчить ответственность "узкого руководства" - при помощи словесного ухищрения. Он ссылается на "странную двусмысленность решения": "кулаков", видите ли, не обязывали брать на учет. Партсекретарям якобы оставлялось на собственное усмотрение - делать это или нет, ибо в решении им "только предлагалось" поступать именно таким образом. Доктор исторических наук делает вид, что ему неизвестно бюрократическое значение глагола "предложить" - "потребовать, предписать что-нибудь сделать". Именно в этом смысле глагол употреблен в решении Политбюро, что совершенно очевидно из контекста. Но изображаемая Жуковым "двойственность" "узкого руководства" просуществовала, по его словам, недолго. Аппарат одолел Сталина и его группу, навязав им отказ от политической реформы. Последовали массовые репрессии, причем в книге и эта "самая страшная 15-месячная полоса в жизни СССР" получает объяснение в связи с задуманной "узким руководством" "демократизацией": "С каждой неделей, с каждым днем узкому руководству приходилось убеждаться в несостоятельности задуманной демократизации страны, неготовности населения принять и использовать только в собственных интересах новую систему выборов". По Жукову, эта полоса, "почти сразу же окрещенная в народе "ежовщиной"), представляла собой операцию, ставившую своей главной целью расправу сталинского руководства с партийно-государственными кадрами на местах, приводятся многочисленные фамилии репрессированных аппаратчиков) Реальная картина здесь полностью искажена. Прежде всего термин "ежовщина" возник не "в народе" и не "почти сразу же" - это был эвфемизм, изобретенный властью имущими после устранения Ежова - с целью списать сталинские преступления. Десятки сталинских автографов свидетельствуют, что именно диктатор был главным инициатором всех основных акций "большого террора" - направленных против "троцкистов и зиновьевцев", "бухаринцев", коминтерновцев, "кулаков", целых национальностей (пустую пропаганду насчет национальностей я уже отмечал, Б. И.) и т.д.

Разумеется, в терроре была и встречная волна - репрессивные органы и партийно-советские бюрократы соревновались в выполнении и перевыполнении кровавых планов, подчас выступали с собственными "инициативами". Широкие слои населения, развращенные, сбитые с толку и одурманенные сталинской пропагандой, по разным причинам поддержали "большой террор". Действовал инстинкт толпы, не приученной к чувствам сострадания и милосердия. Американский психолог С. Милгрэм опубликовал ряд работ о воздействии авторитетов на индивидуумы, в том числе в условиях тоталитарных систем. "Антигуманная политика, - писал он, - может зародиться в мозгу одной личности, но в массовом масштабе она может проводиться только большим числом лиц, послушно выполняющих приказы".

(Здесь автор тоже изо всех сил уходит от классового подхода. «Инстинкт толпы»! Психологические факторы! Б. И.) Факторы, предопределившие размах террора, еще предстоит изучать, но, как уже вполне установлено, дело не сводилось к "чистке" аппарата.

Из всего этого вытекает несостоятельность главного тезиса Жукова - по поводу того, что Сталин и его группа предприняли неудачную попытку демократизировать страну, что реакцией разгневанного Сталина на это поражение и стал якобы "большой террор", главной жертвой которого явилось "широкое руководство". Формально демократическая, конституция 1936 г. с самого начала была задумана как демагогический фарс, важная пропагандистская мера в системе целенаправленной

и в целом успешной деятельности по обольщению населения и обману зарубежного, особенно левоориентированного, общественного мнения. С самого начала альтернативные выборы были фикцией, точно так же как и тайное голосование. С самого начала Сталину было ясно, что, получив возможность решать судьбу начальства на тайных альтернативных выборах, народ выйдет из-под контроля, и начнется необратимый процесс разрушения всей системы (**как я уже говорил, Чернявский по сей день находится в плену либеральных иллюзий насчет альтернативных выборов, Б. И.**). Комплекс мер гарантировал выборы без выбора. "Открытый террор и секретные выборы", - иронически комментировал происходившее в 1937 г. меньшевик-эмигрант П. Гарви. Таким же было настроение думающих людей внутри страны. Сексот-доносчик сообщил НКВД высказывание поэта И. П. Уткина: в СССР сохраняется парадоксальное положение, когда, наряду с "лучшей конституцией", у нас - наихудший режим. "Режим полного попрания человеческой свободы"²⁸. Убедительные доказательства правоты этих суждений и сугубой предвзятости Жукова привела Павлова в упомянутой выше работе...

К примеру, автор утверждает и затем повторяет, что в 1926 г. В. М. Молотов заменил Зиновьева на посту председателя Исполкома Коминтерна. Но пост председателя ИККИ в 1926 г. был отменен, а фактическим его руководителем стал Н. И. Бухарин. Молотов, действительно, заменил Бухарина в качестве "надсмотрщика" над Коминтерном в 1928 г., после VI конгресса Интернационала, но не занимая никакого руководящего поста в этой организации. Повторена ранее распространенная версия, согласно которой рейхстаг в 1933 г. подожгли нацисты. Но ныне доказано, что поджог был делом одиночки М. ван дер Люббе, а Гитлер ловко воспользовался этим актом.

(нет, не доказано, так хотят представить дело, но уши нацистов хорошо видны из-за головы Люббе, Чернявский даже икпедию не читал по данному вопросу, Б. И.)

Жуков утверждает, что в 30-е годы от Международного объединения революционных писателей отошли французские сюрреалисты. Между тем, эта группа деятелей искусства, и прежде всего ведущие среди них А. Бретон и П. Навилье, никогда к МОРП не примыкали, а поддерживали разные течения в Международной левой оппозиции, руководимой Троцким. Испанская Рабочая партия марксистского объединения (ПОУМ) отнюдь не была "откровенно троцкистской", как объявляет автор. Троцкий подвергал эту организацию весьма острой критике - достаточно упомянуть в этом смысле лишь название заявления Троцкого от 22.1.1936. "Измена испанской ПОУМ".

(Действительно, и ПОУМ, и обе ее предшественницы были антисталинистскими, но отнюдь не троцкистскими:

Рабоче-крестьянский блок поддерживал Правую оппозицию в ВКПб и Бухарина, а «Коммунистическая левая Испании» - Левую оппозицию в ВКПб. Троцкий в 1940 г. писал: «... социал-демократы, сталинцы, анархисты и ПОУМ - каждая по своему, сыграли роль тормоза и тем подготовили торжество Франко... Промежуточные, центристские организации, группирующиеся вокруг Лондонского Бюро, представляют лишь „левые“ привески социал-демократии или Коминтерна. Они обнаружили полную неспособность разобраться в исторической обстановке и сделать из нее революционные выводы. Их высшей точкой является испанская ПОУМ, которая, в условиях революции, оказалась совершенно неспособной на революционную политику». ПОУМ воевала на стороне республиканцев, но разногласия с местными сталинистами вызвали противостояние между ПОУМ и республиканскими властями. Национальная конфедерация труда поддерживала ПОУМ в конфликте, но позже умеренно настроенные лидеры ПОУМ вынудили более радикальную часть руководства конфедерации пойти на соглашение с центральной властью и таким образом оставить ПОУМ в изоляции (вместе с троцкистской Большевикско-ленинской секцией). Один из руководителей ПОУМ Андрес Нин был арестован республиканскими властями, а затем похищен и убит агентами НКВД. В 1937-1938 гг. против ПОУМ велись репрессии, её члены объявлялись фашистскими агентами. Москва отказывала ПОУМ в помощи на протяжении всей войны, Б. И.)

Автор утверждает, что звание Героя Труда было заменено званием Героя Советского Союза, тогда как звание Героя Социалистического Труда сохранялось до самого конца существования СССР».

1937: выборы как мистификация, террор как реальность// "Вопросы истории" №3 2003., с. 19-38.

Павлова Ирина Владимировна — доктор исторических наук.

«В литературе, посвященной Большому террору, долгое время в тени оставался тот факт, что одновременно с массовыми репрессиями проводилась широкомасштабная избирательная кампания по выборам в ВС СССР согласно только что принятой Конституции. Новым обращением к этой теме мы обязаны Ю. Н. Жукову, который не только написал о подготовке Конституции 1936 г., но и вслед за американским историком Д. Арч Гетти увидел в действиях Сталина намерение «провести первые выборы в ВС как альтернативные, состязательные... ради мирной, бескровной - в ходе предвыборной борьбы, в ходе альтернативных, состязательных выборов, - смены власти». По Жукову Сталин хотел «вообще отстранить партию от власти», но ему в этом помешали местные партийные секретари 1. Жуков представляет Сталина либералом. Они якобы боялись лишиться постов в ходе выборов, потому и выступили инициаторами Большого террора. Такая трактовка 1937 г. вызывает возражения.

Особое место занимают директивы Центра, которые рассылались в виде шифротелеграмм серии «Г» за подписями секретаря ЦК Сталина, секретаря Центральной избирательной комиссии Маленкова и заведующего отделом партийной пропаганды и агитации ЦК А. И. Стецкого.

Особого внимания заслуживают речи и действия первого секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКПб Р. Эйхе, которому Жуков отвел роль главного инициатора Большого террора. На основании записки Эйхе, поданной в Политбюро во время июньского пленума ЦК, в которой он описывал взрывоопасную, с его точки зрения, ситуацию с контрреволюционной преступностью в крае, Жуков сделал следующий вывод: «Шантажируя таким образом узкое руководство, Эйхе вынудил ПБ

утвердить 29 июня, в день закрытия пленума, нужное решение: образовать "тройку" в составе начальника УНКВД по Западносибирскому краю Миронова, краевого прокурора Баркова и его лично. Дать им возможность установить число лиц, подлежащих расстрелу, и сколько людей необходимо незамедлительно выслать из края).

Конституция 1936 г., действительно, и по форме, и по содержанию представляет собой демократический документ. Не случайно, решив легитимизировать результаты проведенной «революции сверху», Сталин запросил для себя в качестве образца Конституцию Швейцарии, страны с давними демократическими традициями

(серьезно? Во время 2-й мировой независимая Швейцария помогала Гитлеру всем, чем могла. В 90-е там была мода на ожерелья из детских мизинцев; не меньше демократии и в США. в 1992-м а Лос-Анджелесе при разгоне мирной демонстрации около 100 человек было расстреляно, 11 тыс. арестовано, 500 получили от 25 лет до пожизненного; Уотсон, первый президент IBM, снабжал Гитлера табуляторами, переписал для Гитлера всех евреев, математическая модель Уотсона позволяла отслеживать евреев в поколениях, IBM нанесла на карты 11 млн евреев, Уотсон получил от Гитлера орден; янки всего за пару месяцев оккупации Северной Кореи казнили с применением пыток 1 млн мирных граждан... Но, может, Павлова под демократией понимает обыкновенный фашизм? Б. И.).

Не случайно и то, что он лично контролировал работу Конституционной комиссии. Результат: одно дело — советская Конституция, и совсем другое - реальная жизнь в СССР того времени.

Ст. 30 Конституции 1936 г.: «Высшим органом государственной власти СССР является ВС СССР» 3. Чтобы понять, могли ли запланированные на декабрь 1937 г. выборы в принципе привести к смене власти в СССР, как утверждает Жуков, необходимо ответить на вопрос, что собой представляла тогда реальная власть. Если исходить из понимания, что власть находилась в руках советов и их высшего органа ВС (ранее ВЦИК), легко вообразить, что в результате выборов могла произойти смена власти. Однако такое понимание далеко от действительности: оно не учитывает характера того механизма власти, который существовал тогда в СССР.

Основы этого механизма были заложены после захвата большевиками государственной власти в октябре 1917 г., когда становление нового государства в России пошло по традиционному для нее пути централизации власти и подчинения мест этой власти **(по тому же пути шло становление во всех странах, Б. И.)**. Свое оформление механизм новой власти получил в ходе секретной партийно-государственной реформы 1922-1923 гг., сутью которой была реализация политики «диктатуры партии». В результате возникло на редкость простое и архаичное устройство власти, не связанное ни законами, ни контролем партии, которая перестала быть партией и превратилась в ширму, прикрывающую и освящающую действия ее аппарата.

Хребет новой политической системы образовала иерархия партийных комитетов во главе с назначенными сверху секретарями. Одновременно произошло возвышение партийных комитетов над советами, что означало выхолащивание и фактическую ликвидацию Советской власти. Управление в советах перешло сначала к их исполкомам, затем к президиумам исполкомов, и, наконец, сами президиумы исполкомов оказались в полном подчинении у партийных комитетов, фактически стали их тенью. В результате проведения политики «диктатуры партии» двойственность политической системы, сохранявшаяся при Ленине, исчезла...

По типу иерархии партийных комитетов выстраивались иерархические структуры всех государственных организаций, и все они состояли под контролем партийных органов **(Бедная Павлова так ничего и не поняла. Секретарь парткома завода был шестеркой у гендиректора, 1-й секретарь обкома хотя и обладал великой властью, но он был статистом у министерств, Б. И.)**. Высшие органы партийного аппарата - ПБ, оргбюро и секретариат ЦК - являлись официально признанной властью в СССР, но властью неконституционной, так как действовали вне Конституции. Об этих органах власти и их директивной государственной деятельности не было ни слова и в тексте Конституции 1936 г. Документы показывают, что и высшие органы партийного аппарата являлись прикрытием реальной власти фракционной группы Сталина, состав которой постоянно менялся («тройка», «семерка», «восьмерка», «девятка» и т. д.), но которая действовала как реальная власть уже с 1922, а не с 1937 г. Именно Сталин, приближая к себе в разное время того или иного члена своего окружения, принимал все политические решения, которые оформлялись как решения высших органов партийного аппарата, затем государственного в Центре и на местах. Свои самые большие секреты Сталин не доверял даже «особой папке», поэтому факт принятия многих решений можно реконструировать только по последующим действиям...

Эта реальная, но нелегальная власть была законспирирована **(??? Что за чушь, Б. И.)**. О конспирации в деятельности большевистской партии широко известно. Многие исследователи признают секретность и в действиях сталинской власти, но не видят в этой практике ничего особенного... Однако есть секретность в принятии решений (она может быть в практике и тех государств, в основу действия которых положен принцип права) и конспиративность как способ существования самой власти. Конспиративность реальной власти в СССР скрывала и авторов принимавшихся решений, и сами решения, и весь механизм связи центральных партийных и государственных органов с соответствующими органами на местах **(бред какой-то, Б. И.)**. Для этого существовала разветвленная тайная инфраструктура власти с секретно-директивными частями — секретными отделами, особыми секторами и мобилизационными отделами во всех партийных и государственных органах, в том числе и хозяйственных; на каждом промышленном предприятии, в каждом учреждении существовала своя секретная часть **(да эта «секретная» часть была известна поименно всему заводу! Б. И.)**..

Доклад о предстоявших выборах в ВС сделал Жданов на пленуме ЦК вечером 26.2.1937. Жуков: «По докладам Ежова, Молотова, Сталина, Кагановича, Ворошилова невольно могло сложиться впечатление, что суть пленума и есть поиск "врагов", проблема "вредительства". Однако главным все же было другое — предстоящие выборы в ВС». Такое утверждение - явный перекося. Вопрос о выборах был одним из 4-х; ему было посвящено вечернее заседание 26 февраля и оба заседания 27-го (доклад Жданова, обсуждение, заключительное слово и принятие резолюции). Всего же пленум продолжался с 23 февраля по 5 марта. Т.е. и по времени, и по накалу выступлений главными вопросами были не выборы, а поиск «вредителей». Если учитывать контекст событий, то необходимо признать, что сталинская власть с начала 1930-х

последовательно раскручивала маховик Большого террора, и инициативная роль Сталина здесь несомненна. 7.1.1933 на объединенном пленуме ЦК и ЦКК в докладе «Итоги первой пятилетки» он, по сути, сформулировал программу «зачистки» общества от антисоветских элементов. «Мы утвердили, - заявил Сталин, - во всех сферах народного хозяйства принцип социализма, изгнав оттуда капиталистические элементы». Далее он, во-первых, раскрыл, кто имеется в виду под «последними остатками умирающих классов». Это «промышленники и их челядь, торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и попы, кулаки и подкулачники, бывшие белые офицеры и урядники, бывшие полицейские и жандармы, всякого рода буржуазные интеллигенты шовинистического толка и все прочие антисоветские элементы». Во-вторых, он априори, для всех этих групп определил состав преступления: «Пойти в прямую атаку против Советской власти эти господа уже не в силах. Они и их классы несколько раз вели уже такие атаки, но были разбиты и рассеяны. Поэтому единственное, что остается им делать, — это пакостить и вредить рабочим, колхозникам, Советской власти, партии. И они пакостят как только могут, действуя тихой сапой. Поджигают склады и ломают машины. Организуют саботаж. Организуют вредительство в колхозах, в совхозах, причем некоторые из них, в числе которых имеются и кое-какие профессора, в своем вредительском порыве доходят до того, что прививают скотине в колхозах и совхозах чуму, сибирскую язву, способствуют распространению менингита среди лошадей и т. д.... Главное в "деятельности" этих бывших людей состоит в том, что они организуют массовое воровство и хищение государственного имущества, кооперативного имущества, колхозной собственности... Они чувствуют как бы классовым инстинктом, что основой советского хозяйства является общественная собственность, что именно эту основу надо расшатать, чтобы напакостить Советской власти, — и они действительно стараются расшатать общественную собственность путем организации массового воровства и хищения». «Сильная и мощная диктатура пролетариата, — заключил он, — вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять вирахи последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации».

Карт-бланш сверху на обвинения в саботаже, вредительстве, воровстве и хищениях открывал широчайший простор для расправы со всеми неугодными власти людьми, т.к. в 1930-е в обстановке хаоса проводившихся преобразований в этом можно было обвинить практически любого. К тому же в обществе с сильными патриархальными предрассудками такая борьба стала наиболее действенным способом канализации массового недовольства. Завершающая операция по «построению социализма» планировалась одновременно с подведением итогов первой пятилетки, но она сорвалась. Именно неудачей в исполнении первоначального замысла можно объяснить содержание той самой телеграммы, которую направили Кагановичу и Молотову 25.9.1936 Сталин и Жданов, отдыхавшие в Сочи. В ней предусматривался ряд кадровых перестановок, и первая касалась НКВД: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года».

Именно в этом контексте подготовки завершающей кампании по «построению социализма» находится следующая цепь событий: убийство Кирова 1.12.1934 и последовавшие за ним закрытое письмо ЦК ВКПб «Уроки событий, связанных с злодейским убийством С. М. Кирова» (18.1.1935), новая чистка партии в виде проверки учетных документов, объявленная циркулярным письмом Сталина от 13.5.1935, закрытое письмо ЦК «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока» от 26.7.1936 и инсценировки судебных процессов. Непосредственно перед принятием Конституции и подготовкой к выборам состоялись процесс по делу так называемого Анти-советского объединенного троцкистско-зиновьевского центра (19-24.8.1936), Кемеровский процесс с разоблачением «диверсионно-вредительской деятельности троцкистов» (19-22.11.1936), процесс по делу так называемого Параллельного антисоветского троцкистского центра (23-30.1.1937) и началась подготовка процесса так называемого Антисоветского правотроцкистского блока, первым шагом к организации которого стала принятая на февральско-мартовском 1937 г. пленуме резолюция по докладу Ежова о передаче дела Бухарина и Рыкова в НКВД.

26.2.1937 на вечернем заседании пленума Жданов начал свой доклад с объявления о том, что «введение новой Конституции отбрасывает всякие ограничения, существовавшие до сих пор для так называемых лишенцев. Если раньше, до введения новой Конституции, выборы в Советы были неравными, то теперь необходимость ограничения равенства выборов отпала и все граждане имеют право участвовать в выборах на равных основаниях. Если раньше выборы средних и высших органов власти были многостепенными, то согласно новой Конституции выборы во все Советы - всеми гражданами путем прямых выборов. Если раньше, по старой Конституции, голосование при выборах было открытым и по спискам, то теперь, согласно новой Конституции, голосование при выборах будет тайным и по отдельным кандидатурам, выдвигаемым по избирательным округам»

(Жуков делает акцент, Павлова его не замечает: каким способом выдвигается кандидат, по территориальному или производственному принципу, Б. И).

Далее он сформулировал еще ряд общих положений. 1) Следствием изменений в избирательной системе должно было стать «дальнейшее усиление политической активности масс, вовлечение новых слоев трудящихся в работу по управлению государством». 2) Именно партии предстояло возглавить выборы и обеспечить в них свою руководящую роль. Для этого ей предстояло уйти от практики кооптации в члены парткомитетов и «перестроить партийную работу на основе безусловного и полного проведения в жизнь начал внутрипартийного демократизма, предписываемого уставом партии», а именно, не позднее 20 мая провести во всех парторганизациях выборы партийных органов, начиная от комитетов первичных парторганизаций и кончая краевыми, областными комитетами и ЦК компартий национальных республик. Голосование должно было проводиться не списком, а по отдельным кандидатурам и тайно. Провозглашалось неограниченное право критики и отвода кандидатов...

Тогда было рассказано и о группе работников-дальневосточников, переехавших на Украину вместе с Постышевым, и о работниках из Узбекистана, перекочевавших вслед за А.К. Лепой в Татарию, и, наоборот, о переехавших из Татарии в Иркутск вслед за М.О. Разумовым, получившим назначение на пост первого секретаря Восточно-Сибирского крайкома ВКПб, и т.п. Тогда же были оглашены факты маленьких «культов личности» местных руководителей. В частности, стало

известно о том, что 14.9.1936 на бюро Казахского крайкома ВКПб с участием первого секретаря крайкома Л.И. Мирзояна высочайшая точка Тянь-Шаня Хан-Тенгри 6697 м была переименована в пик Мирзояна. И что на Украине появился новый писатель Постышев, который написал два произведения - «Горе Марфы» и «Талка» - объемом «ровно один печатный лист», но которые стали центром кампании, организованной комсомолом и местным союзом писателей...

Перевыборная кампания в партийных организациях и подготовка к выборам в ВС не означала отказа от репрессий. Жданов, напомнив слова Сталина на пленуме ЦК 7.1.1933, что «нам нужна крепкая диктатура для того, чтобы развеять остатки ранее господствующих классов», заявил, что «диктатуре пролетариата и впредь придется беспощадной рукой преодолевать сопротивление остатков враждебных капиталистических классов и агентов фашистской буржуазии — троцкистов, зиновьевцев, правых и других врагов народа». Ключевыми словами в докладе Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» и его заключительном слове на пленуме были «вредители», «диверсанты», «агенты троцкистского и нетроцкистского типа», «остатки эксплуататорских классов», «капиталистическое окружение и вытекающие из этого факта результаты» и т.д. Сейчас трудно сказать, как в действительности воспринимали участники пленума выступление Сталина и поняли ли зловещий смысл сформулированной им «кадровой реформы». Судя по стенограмме, атмосферу пленума во время обсуждения докладов Молотова, Сталина, Ежова и Жданова пронизывали единодушие и приподнятость. Никто из выступавших в прениях не высказывал ни сомнений, ни тем более протеста. Как вполне обыденное дело участники пленума восприняли рассуждения Сталина о будущей участи оставшихся оппозиционеров: «Вы не утешайте себя тем, что каких-нибудь 12 тыс., может быть, из старых кадров остается и что троцкисты последние кадры пускают в ход для того, чтобы пакостить, которых мы скоро перестреляем, не утешайте себя»...

Под политической подготовкой к выборам понималось прежде всего обеспечение массовости участия населения в избирательной кампании и в самих выборах, а также контроль со стороны партийных комитетов. На вопрос Мирзояна «От округа может быть 1 кандидат или будет допущено выставление 2-3?» Калинин не ответил, зато Стецкий напомнил: «Радек на Конституционной комиссии выступил с предложением, чтобы было разрешено выставлять любому гражданину или группе граждан свою кандидатуру в совет. Очевидно, здесь был далекий расчет, чтобы провести кое-кого из своих и т.д. Несомненно, осколки, остатки троцкистской организации и правых еще имеются». Тогда о какой действительной альтернативности предстоящих выборов можно говорить? (**важнейшее слово для Павловой – альтернативность! Б. И.**) Не допустить этого, во-первых, и мобилизовать массы на выборы, во-вторых, - в этом и состояла ближайшая задача парткомов на местах, которые Сталин критиковал за увлечение хоз. вопросами и отход от партийно-политической работы. Повторяя реплику Микояна на пленуме, хлопот предстояло много. Но главными были не эти задачи, а борьба с «вредителями», «троцкистскими и иными двурушниками». Выборам же в ВС предстояло легитимизировать эту борьбу.

6.3.1937 в «Правде» была напечатана резолюция пленума ЦК по докладу Жданова 27 февраля, «Подготовка партийных организаций к выборам в ВС по новой избирательной системе и соответствующая перестройка партийно-политической работы». Однако разъехавшиеся местные секретари начали проводить в жизнь другие установки пленума. По возвращении Эйхе из Москвы в Западно-Сибирском крае началась массовая кампания разоблачения «врагов народа». Решения пленума, доклад и заключительное слово Сталина обсуждались 16-18 марта на пленуме крайкома, 19-22 марта на собрании Новосибирского гор. и краевого партактива с участием секретарей горкомов и райкомов, во всех остальных городах и сельских р-нах - на гор. и р-ных партактивах и на рай. партсобраниях. В 3 р-нах собрания продолжались по 4 дня... Обстановка и на пленуме крайкома и на других подобных заседаниях была чрезвычайно наэлектризована. «Мы все кипим кровью, - заявил секретарь Барабинского райкома Т. Волдин, - чтобы их (Бухарина, Рыкова и др. - И.П.) привлекли к строгой ответственности». После этих собраний развернулась массовая кампания «проверки на месте работы местных партийных и хозяйственных организаций в деле ликвидации последствий троцкистско-бухаринского контрреволюционного вредительства»...

Перевыборная кампания в партийных организациях края проводилась под непосредственным контролем крайкома. Характерна фраза из письма Эйхе в ЦК Маленкову: «Сообщаем списки отведенных крайкомом при выборах 1937 г. и отозванных секретарей райкомов и горкомов ВКПб». Своих постов таким образом лишились 10 первых и 3 вторых секретаря райкома — «за связь с троцкистами или политически неустойчивые», 14 первых секретарей и 8 вторых — «вследствие непригодности их в деловом отношении для руководящей районной парторботы», 4 вторых секретаря — по причине их «социально-чуждого прошлого и как служивших в белой армии», шесть первых и один второй секретарь — по болезни. После этого кандидатуры, одобренные крайкомом, голосовались в партийных организациях. ...

13.6.1937 Эйхе направил в ЦК на имя А. А. Андреева письмо просьбой утвердить бюро Западно-Сибирского крайкома ВКПб в состав 13 чел.; к письму прилагалась справка о результатах тайного голосования на конференции и на пленуме крайкома". Кампания перевыборов в партийных организациях сопровождалась выявлением «вредителей» и «врагов народа». Эйхе сообщал в ЦК о том, что «важные сигналы, разоблачающие замаскированных троцкистско-бухаринско-рыковских вредителей, шпионов и диверсантов, поступили в период обсуждения решений февральско-мартовского пленума ЦК ВКПб, а также на отчетно-выборных партийных собраниях и партконференциях», о том, что развернута «перестройка партийно-политической работы, направленная на полную ликвидацию в рядах парторганизации политической беспечности, на разоблачение и выкорчевывание врагов народа». По данным, которые Эйхе приводил в письме от 20 июня, за период с 1.3. по 15.6.1937 в Западно-Сибирской партийной организации было разоблачено и исключено из партии 196 троцкистов и зиновьевцев, 26 правых контрреволюционеров и лиц, связанных с ними. Исключение автоматически влекло за собой арест и расстрел. ...

На два дня раньше, чем Эйхе, 18 июня, с письмом в ЦК на имя Жданова обратился новый первый секретарь Восточно-Сибирского крайкома ВКПб А. С. Щербаков, в котором он сообщал, что «партийное и советское руководство целиком было в руках врагов. Арестованы все руководители областных советских отделов, заготовителями обкома и их замы (за исключением пока - двух), а также инструктора, ряд секретарей РК, руководители хозяйственных организаций, директора предприятий и т. д. Таким образом, нет работников ни в партийном, ни в советском аппарате». Письмо Щербакова знаменательно и тем, что его автор недвусмысленно указал на действительных инициаторов и вдохновителей террора...

Именно они не давали местам расслабиться и не только инициировали каждый новый виток репрессий, но и требовали от полностью зависимых от них местных партийных секретарей, чтобы они организовывали массовую поддержку и одобрение своих действий. В ответ на телеграмму Сталина от 11.6.1937 о суде над военными 17 июня Эйхе доложил в ЦК Ежову, что, по данным на 15 июня, по 30 городам и районам края было проведено 1527 митингов по поводу приговора по делу Тухачевского и других. В письме приводились самые разные факты массовой поддержки расстрела военных. Были и предложения: трудящиеся Барабинска просили правительство выпустить новый заем, «чтобы еще крепче закрыть на замок нашу великую границу». ...

К этому времени из состава ЦК, избранного на XVII съезде ВКПб, вышло уже более 40 человек. Формальное согласие на арест давали оставшиеся члены и кандидаты в члены ЦК. Среди материалов июньского пленума сохранились заполненные ими бланки голосования (опросом) за исключением того или иного члена ЦК из партии и его арест. Для присутствия на этом пленуме члены ЦК предварительно запрашивали разрешения у Сталина и Поскребышева. В повестке дня значилось 5 вопросов: 1. Сообщение Ежова. Проект нового избирательного закона (Яковлев). Об улучшении семян зерновых культур (Яковлев). О введении правильных севооборотов (Чернов). О мерах улучшения работы МТС (Чернов). В сообщении о пленуме, опубликованном в печати, первого пункта не было, хотя обсуждение его заняло 4 дня. Уже один этот факт говорит о приоритетах. После этого пленума состоялась серия постановлений политбюро, давших органам НКВД свободу действий. Первым в этом ряду стоит постановление политбюро «Об антисоветских элементах», принятое 2 июля, через 2 дня после окончания пленума. На основании этого постановления был подготовлен текст известной в настоящее время шифротелеграммы, разосланной секретарям обкомов, крайкомов и ЦК компартий национальных республик: «Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом, по истечении срока высылки, вернувшись в свои области, являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности. ЦК ВКПб предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные, менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД. ЦК ВКПб предлагает в 5-дневный срок представить в ЦК состав троек, а также кол-во подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих выселению».

В телеграмме говорилось только о кулаках и об уголовниках, хотя само постановление называлось «Об антисоветских элементах», что выдает истинный масштаб замысла окончательной «зачистки» общества (**прямо так и замышлял Сталин, зачистить общество? А зачем? Б. И.**).

Вопрос о том, чей именно документ стал основой для подготовки этого постановления ПБ, Жуков возвел в ранг принципиального и увидел за этим фактом протест местных секретарей против альтернативности предстоявших выборов, которые на деле никоим образом им не угрожали... 27.2.1937 на пленуме ЦК Эйхе говорил: «У нас в крае есть еще одна особенность — это бывшие кулаки, которых у нас порядочное количество, частично от т. Косиора и других. (Косиор. Признаем свою ошибку. Веселое оживление в зале)... Осталась немалая группа заядлых врагов, которые будут... пускать в ход клевету и провокацию во время выборов, будут пытаться причинять нам разные гадости». Об этом же Эйхе говорил и 25.3.1937 на партактиве Сибирского военного округа, выступая с докладом о решениях пленума ЦК: «У нас в Западной Сибири был наиболее мощный отряд кулачества, идеологами которого являлись правые... мы не можем забыть о кадрах правых контрреволюционеров, которые, будучи разгромленными, притаились в щелях, затаив лютую злобу против колхозов. Мы не можем забыть о том, что здесь орудовала сильная меньшевистская и эсеровская группа, которая блокировалась с правыми отщепенцами», что, учитывая «важное народнохозяйственное и оборонное значение Западной Сибири, враги пытались и будут пытаться окопаться здесь для своей гнусной подрывной работы». Но все эти высказывания никак не расходились с установками февральско-мартовского пленума ЦК партии. В таком же духе говорили и писали в своих справках прокурор края И. И. Барков и начальник управления НКВД по Западно-Сибирскому краю С. Н. Миронов.

Грандиозный план «зачистки» общества исполнялся под прикрытием избирательной кампании. 1.7.1937 после одобрения на пленуме ЦК ВКП(б) проекта Положения о выборах в Верховный совет СССР он был утвержден от имени президиума ЦИК, а 9 июля стал постановлением IV сессии ЦИК VII созыва. В отличие от постановления политбюро «Об антисоветских элементах» Положение о выборах было широко опубликовано. Изучение повесток дня заседаний политбюро показывает, что начиная со 2 июля вплоть до самых выборов 12.12.1937 параллельно принимались решения об антисоветских элементах (по краям и областям) и о подготовке к выборам по избирательным округам. Более того, закончить «зачистку» предполагалось тоже к моменту выборов 27. Приказ НКВД «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов», утвержденный политбюро 31 июля, предписывал начать операцию, в зависимости от региона, с 5 по 15 августа и закончить в четырехмесячный срок. И еще один характерный момент - помимо подготовки к выборам, летом - осенью 1937 г. шла череда массовых кампаний и праздников. Все происходило одновременно с массовым уничтожением людей НКВД по утвержденным сверху лимитам на репрессии...

Типичный отчет агитатора: «Мы проводили беседы и по вопросам шпионской диверсионной работы разведывательных органов кап. стран. В результате наши беседчики и сами слушатели выявили целый ряд контрреволюционных группировок... рабочий Киреев разоблачил банду кулаков, состоявшую в контрреволюционной организации... после беседы в бараке выявили сестру Демидова, расстрелянного по процессу Северного р-на... гр. Тарасова выявила отца Демидова и дочь, которая приехала устраиваться на работу».

В проекте избирательного закона, который представил пленуму Я. А. Яковлев, как считает Жуков, речь идет о возможности альтернативного выдвижения нескольких кандидатов... Оно оказало свое воздействие на левацки настроенных интеллектуалов 1930-х годов за рубежом, на советских граждан с их табуированным сознанием и продолжает работать сегодня. На самом деле, реальной альтернативности и состязательности с самого начала был поставлен заслон. Кандидатов в депутаты, по Конституции, могли выдвигать только общественные организации и общества трудящихся. А.Я. Вышинский в статье «Самый демократический избирательный закон» отчетливо дал понять, что имеется в виду под общественными

организациями и обществами трудящихся. Это те общества, которые были учреждены на основании Положения о добровольных обществах и союзах, принятого ВЦИК и СНК РСФСР 10.7.1932, и которые, «являясь организациями общественной самостоятельности трудящихся масс города и деревни, ставят своей задачей активное участие в социалистическом строительстве СССР, а также содействие укреплению обороны страны». Но «не являются обществами и общественными организациями, например, так называемые церковные "двадцатки", которые регистрируются в особом порядке, установленном для них постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8.4.1929, и которые, согласно этому постановлению, не имеют своего устава, не пользуются правом юридического лица, не имеют своих выборных представительных органов. В своей деятельности они должны ограничиваться исключительно теми целями, ради которых они образованы, то есть, как об этом сказано в постановлении от 8.4.1929, - удовлетворения своих религиозных потребностей».

В ходе избирательной кампании 1937 г. партийным работникам приходилось неоднократно разъяснять это положение. «Как выдвигаются кандидатуры? - говорила зав. отделом пропаганды и агитации Западно-Сибирского крайкома ВКПб Ф.Б. Фрумкина. - Выдвигаются общественными организациями и обществами трудящихся. Сегодня один из культпропов беседовал со мной, и я вижу, что товарищ не знает, что такое общество трудящихся. Каждое собрание он представляет так, что это общество трудящихся, в то время как под обществом трудящихся мы представляем какое-нибудь общество, обеспеченное правами юридического лица, зарегистрированное, имеющее печать и т.д. Такими обществами трудящихся являются МОПР, ОСО и другие аналогичные общества, но никак не любое собрание. Значит, единоличники имеют возможность выдвигать кандидатов через то общество, в котором они состоят членами — МОПР, ОСО, Потребкооперация... Ясно, что единоличник имеет полное право выдвигать и избирать, если он станет членом добровольного общества, общества трудящихся». А Эйхе, коснувшись вопроса о церковнослужителях, которые пытались ставить вопрос о выдвижении своих кандидатов, прямо расценил такую установку как «один из способов борьбы с нами. Это попытка выставить своих, враждебных советской власти кандидатов. Эти попытки будут, и с этим мы должны вести широкую развернутую борьбу».

Первоначально, в проектах, возможность выдвижения нескольких кандидатов - преданными советской власти общественными организациями и обществами трудящихся — допускалась. Одновременно с напечатанной 6.3.1937 в «Правде» резолюцией пленума ЦК по докладу Жданова, в качестве агитационного материала был подготовлен образец избирательного бюллетеня, опубликованный Жуковым в «Комсомольской правде» (5.XI.2002). Такой же бюллетень сохранился и среди материалов Западно-Сибирского крайкома ВКПб31. Однако показательно, что в опубликованном Положении о выборах возможность выдвижения нескольких кандидатов уже не акцентируется. Соответствующие статьи 104-я и 107-я выглядят следующим образом: «Кандидат в депутаты ВС, получивший абсолютное большинство голосов, т.е. больше половины всех голосов, поданных по округу и признанных действительными, считается избранным»; «Если ни один из кандидатов не получил абсолютного большинства голосов, соответствующая окружная избирательная комиссия... объявляет перебаллотировку двух кандидатов, получивших наибольшее количество голосов». Передовая статья в «Большевике» «Избирательная система социалистического государства» разъясняла, как следует понимать и это положение: «При системе относительного или простого большинства избранным считается тот кандидат, который получил большее количество голосов, чем каждый другой кандидат в отдельности. Эта система действовала в нашей стране до введения в жизнь новой Конституции СССР. Она была чрезвычайно целесообразна в свое время, т.к. облегчала процедуру выборов. В настоящее же время, когда каждый кандидат избирается не фабрикой, заводом, колхозом и т.п., то есть сравнительно небольшой единицей, - а многонаселенным округом (один депутат в ВС от 300 тыс. населения), совершенно понятно, что прежний порядок не может сохраниться и кандидат должен получить абсолютное большинство голосов своих избирателей». На местах это разъяснение было понято адекватно. По каждому избирательному округу изначально выдвигался только один кандидат. В сентябре в Западно-Сибирском крае по 14 округам по выборам в Совет Союза ВС под контролем крайкома произошло выдвижение 14 кандидатур. 26.9.1937 бюро крайкома утвердило эти кандидатуры одновременно со списком председателей окружных избирательных комиссий...

Официально постановлением ЦИК СССР начало избирательной кампании было объявлено с 12.10.1937. Этим же постановлением была утверждена Центральная избирательная комиссия. Председателем ее был назначен П. Г. Москатов, заместителем - О. Ю. Шмидт, секретарем - Маленков. Все они значились представителями от профсоюзов (соответственно ВЦСПС, работников высшей школы и работников политпросветучреждений). Были утверждены также 569 избирательных округов по выборам в Совет Союза и 574 - по выборам в Совет Национальностей. В тот же день, 12 октября, с докладом о предстоящих выборах и выдвижении кандидатов выступил на пленуме ЦК Сталин. Одновременно он сообщил об изменениях в составе ЦК за время после июньского пленума: арестовано 8 членов и 15 кандидатов в члены ЦК, один покончил жизнь самоубийством. Освободившиеся места быстро заняли другие - 10 чел. были переведены из кандидатов в члены ЦК. Ежов — утвержден кандидатом в члены политбюро ЦК 34.

Через два дня на места была разслана шифротелеграмма серии «Г» за подписью Сталина, в которой давались подробные инструкции по дальнейшей организации избирательной кампании. 1-й пункт был посвящен вопросу о комплектовании избирательных комиссий: «ЦК нацкомпартий, крайкомы и обкомы обязаны тщательно проверить для утверждения циками союзных и автономных республик, краевыми или областными исполкомами состав республиканских и окружных избирательных комиссий. Райкомы ВКПб, горкомы и райкомы в городах обязаны тщательно проверить состав участковых избирательных комиссий, а ЦК нацкомпартий, крайкомы и обкомы обязаны проверить председателей и секретарей участковых избирательных комиссий для утверждения их райисполкомами и городскими советами или районными советами в городах». .. Из этой телеграммы ясно видно, что не было и речи о том, чтобы отстранить партию от выборов. Наоборот, партийные комитеты и здесь рассматривались Сталиным как самая надежная опора. Никаких расхождений в понимании будущих выборов со сталинскими указаниями не было и в речи Эйхе 20 октября, с которой он выступил на собрании городского партактива в Новосибирске. «Нужно нам суметь, - говорил он, - выборы провести так, как это от нас требует партия, провести так, как мы проводим все указания нашего любимого вождя... Товарищ Сталин говорил, что нужно, чтобы было обеспечено процентов 20 беспартийных кандидатур, нужно, чтобы было соблюдено правильное соотношение между количеством работников, выдвигаемых снизу, лучших людей, и количеством работников-делегатов, которые находятся на том или ином ответственном посту... Выставлять, публиковать кандидатуры, обсуждать, популяризировать должны начинать

тогда, когда ЦК просмотрит».

Тем не менее возможность выдвижения двух и даже трех кандидатур сохранилась, но в «превращенной» форме. По этому поводу на места «по поручению ЦК ВКПб» была отправлена телеграмма секретаря избирательной комиссии Маленкова, в которой он сообщал список из 32 чел., которые наряду с местными, одобренными ЦК ВКП(б), кандидатами могли выдвигаться в депутаты ВС в любом из избирательных округов: Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян, Андреев, Калинин, Косиор, Чубарь, Жданов, Эйхе, Ежов, Петровский Г., Хрущев, Буденный, Блюхер, Литвинов М., Булганин, Шверник, Шмидт О., Крупская, Чкалов, Водопьянов, Молоков, Громов М., Москатов, Косарев, Мехлис, Мануильский, Шкирятов, Маленков, Вышинский. «По примеру Москвы и Ленинграда, - говорилось далее, - указанные товарищи могут выдвигаться в избирательном округе наряду с местной кандидатурой, одобренной ЦК ВКПб... Всю эту процедуру с выставлением кандидатов из списка 32-х считаем нужным рекомендовать ввиду того, что рабочие и крестьяне хотят выставить на заводских и колхозных собраниях наиболее популярных в стране руководителей партии и Советской власти почти во всех местах. Иначе все будут удивлены, что известные руководители партии выставляются каждый из них только в одном каком-либо округе, а трудящиеся других округов не хотят или не имеют права будто бы назвать их в качестве своих представителей. Получается, что каждый из известных руководителей партии является вождем только в одном округе, а для остальных округов они остаются неизвестной фигурой. Чтобы ликвидировать эту несообразность, мы решили рекомендовать Вам выдвинуть на общих собраниях рабочих и крестьян в разных округах, кроме одобренных ЦК ВКПб кандидатов, еще 32 чел. по указанному списку. Таким образом по каждому избирательному округу может фигурировать не обязательно 1 кандидатура, а 2 или 3, из которых потом в день выборов будет баллотироваться только 1 кандидатура»...

Телеграмма от 2 декабря: «5 декабря исполняется первая годовщина со дня утверждения Чрезвычайным VIII Всесоюзным съездом советов Сталинской Конституции СССР. ЦК ВКПб предлагает отметить... И. Сталин».

(Замечательно. «Отметим Сталинскую Конституцию! И. Сталин». Скромняга! Б. И.)

6 декабря, в Новосибирск на имя секретаря обкома И. И. Алексеева поступила шифротелеграмма принципиально иного содержания: «Вашу шифровку о вылазках врагов народа получили. ЦК одобряет политику расправы с врагами народа и предлагает вам не давать пощады мерзавцам. И. Сталин». Таким образом широко развернутая кампания по выборам стала мощнейшим прикрытием массового уничтожения «врагов народа» и его оправданием....

В документах неоднократно отмечалось, что «за время избирательной кампании усилился приток заявлений со стороны трудящихся об отдельных контрреволюционных элементах», «в результате изучения Сталинской Конституции и Положения о выборах у нас разоблачены враги народа, такие, как...». Любой человек, высказывавший сомнение, становился потенциальным кандидатом на арест. Вот три характерных примера из справки Кемеровского городского отдела НКВД «О ходе подготовки к выборам в ВС» по состоянию на 26 сентября: «Зав. культотделом рудкома угольщиков Новиков в присутствии рабочих высказал следующее: "Я не верю в правдивость новой избирательной системы, так как в советских газетах пишут одну ложь". (Новиков намечен к аресту.) Кардашин среди рабочих азотно-тукового завода высказал: "Коммунисты везде говорят, что предстоящие выборы будут самые демократические, а сами выставили двух кандидатов в ВС и Совет национальностей, Алексеева и Антонюка, и голосуй за них, это не тайное голосование, а то же самое, что и назначение". (Кардашин арестован.) Татаринцева, жена инженера, работник редакции "Кузбасс", среди женщин на агитпункте высказала: "Конституция существует на бумаге, кандидатами в ВС выставляют коммунистов, лучше сломать себе ногу, чем идти на эти выборы" (Татаринцева взята в глубокую агентурную проработку.)» ...

В день выборов, 12.12.1937, на всех избирательных участках дежурили сотрудники НКВД, они же представляли регулярные спецсводки о ходе голосования. Аресты происходили прямо на избирательных участках при активном содействии населения. По данным спецсводок, в Ирменском районе «явившаяся на избирательный участок дочь кулака Стародубцева, получив бюллетень, вышла с ним на середину помещения и заявила: "Не буду голосовать за антихристов" и бросила бюллетень. Возмущенные колхозницы доставили ее в НКВД. Арестована. В Кемерово в Эйховском районе Погатенко, пользуясь безграмотностью женщин, говорил им о необходимости зачеркнуть одну из кандидатур, записанных в разных бюллетенях». Погатенко был разоблачен старушкой, сообщившей об этом в НКВД.

Идеологическая обработка населения и террор возымели свое действие. Из всех информационных сводок, сообщавших о ходе выборов в ВС, особо выделяется следующий случай: «На избирательном участке в с. Сумы Каргатского района 104-х летняя (!) старушка проголосовала, а потом расплакалась и заявила: "Спасибо товарищу Сталину, который допустил нас до управления государством"» 45. 98,6 % проголосовало в целом по стране за кандидатов в депутаты ВС. Всего членами ВС стали 1143 депутата - 855 коммунистов и 288 беспартийных...

Избрание в этот бутафорский парламент не гарантировало от репрессий. Из депутатов по Новосибирской области вскоре были арестованы и расстреляны бывшие начальники области — Эйхе, Алексеев, Лобов, Горбач. Если же вспомнить об избранном в начале июня 1937 г. бюро Западно-Сибирского крайкома ВКПб, утвержденном ЦК в количестве 13 чел., то оно было репрессировано в полном составе: 11 человек - расстреляны, один - повесился в тюремной камере, один — многие годы провел в лагерях. К этому перечню следует добавить еще 5 руководящих работников аппарата крайкома. Выборы 1937 г. в принципе не могли привести к смене власти в СССР, потому что никакой реальной властью этот бутафорский советский парламент не обладал... После Большого террора изменилось лишь кадровое наполнение этой иерархии. Назначение ВС в системе политической власти СССР было так же далеко от предназначения парламента в демократических странах, как вовлечение масс в политику власти от договорных отношений государства и общества. Что же касается общего представления о всевластии Сталина как о воплощении либерализма, то это слишком очевидная мистификация.

(Павлова тоже находится в плену либеральных иллюзий: во всех странах мира правят не парламенты, не президенты, а класс буржуазии, который и заказывает избранным на ее деньги музыку, Б. И.)

2. ЖУКОВ Ю. Н. Ук. соч., с. 23. Удалось проверить архивный шифр дела, на которое ссылается Ж. Записки Эйхе там нет. Можно допустить существование документа, но, учитывая подчиненное положение Эйхе, а также другие его обращения в

ЦК на имя Сталина, Ежова и др., невозможно представить себе, чтобы в подобной записке он «требовал», «шантажировал», «вынудил». Не соответствует действительности сообщение, что Эйхе трижды получал осенью 1934 г. во время хлебозаготовок «право единолично, бесконтрольно, без суда и следствия выносить смертные приговоры». Документы свидетельствуют, что Эйхе получил это право от Центра по инициативе Молотова, который, побывав в Новосибирске и других р-нах края, 19.9.1934 отправил в М-ву шифрованную телеграмму: «По примеру 1930 г. предлагаю предоставить Эйхе право давать санкцию на высшую меру наказания в Зап. Сибири в течение сентября-октября. Эйхе согласен. Жду ответа». В тот же день предложение Молотова было принято ПБ и оформлено как постановление ЦК от 19.9.1934: «Предоставить Эйхе право давать санкцию на высшую меру наказания в Западной Сибири в течение сентября и октября». Постановлением ЦК от 2 ноября эти полномочия Эйхе были продлены до 15 ноября, о чем Сталин сообщил ему в шифротелеграмме за своей подписью (Госархив Новосибирской области (ГАНО), ф. П-3, оп. 2, д. 595а, л. 11—13; д. 643а, л. 1, 2, 5; Сталинское ПБ в 30-е. Сб. док. М. 1995, с. 65). В газетных выступлениях Жукова в пассаже, относящемся к июньскому пленуму ЦК 1937 г., Эйхе почему-то именуется первым секретарем Новосибирского обкома ВКПб, хотя он стал таковым лишь с 28 сентября, после образования Новосибирской обл.»

Статьи небольшие, но снабжены внушительным списком относительно верифицируемых и архивных, и прочих источников.

В статье Павловой много лишнего, несущественного цифрового материала, который каждый может легко найти в справочниках.

Разумеется, Жуков, очередной адвокатишка Сталина, в 2003-м писал книгу в виду смены конъюнктуры, разумеется, это дико и глупо, утверждать, что Сталин невиновен в репрессиях. Но вы знаете... Так не критикуют. Авторы вырывают одно предложение или одно утверждение Жукова и наваливают на них массив исторических фактов. Причем эти факты – как правило, высказывания Сталина и его окружения, собственно фактов репрессий – не так много.

Разве авторы не знакомы с работами классиков? Маркс, Энгельс, Ленин дали блестящие, лучшие образцы критики, они цитировали своих оппонентов страницами! А анализу подвергали не одно утверждение, а комплекс, все книги оппонента.

Допустим, Жуков утверждает, что Сталин не причастен к репрессиям. И авторы хотят опровергнуть это утверждение двумя небольшими статьями, включающими высказывания или телеграммы Сталина?

Да ведь и позиция Жукова не сводится к утверждению о непричастности, он сам пишет: «Вполне реальная, полная и безраздельная власть узкого руководства или, как ее называли, сталинской группы, выражалась в полномочиях ее членов». При этом с бездонной логикой тут же пишет о якобы существовавших двух ветвях власти – партийной и советской.

Причем Жуков привязывает, и привязывает совершенно неадекватно, действия Сталина с середины 30-х к международным изменениям, Чернявин и Павлоа не обращают на это внимания.

Испания! Злые языки – страшнее пистолета, и это при том, что всем было наплевать, агрессор СССР или нет, все просто хотели удушить СССР, хоть руками Гитлера. Не говоря уже о том, что Сталин развенчивал другое – нельзя отбирать у буржуа собственность, вон ведь они какие нехорошие, отбиратели. Сталину, чтоб уж окончательно отвратить рабочих от борьбы, нужно было поместить объявление в газете: «Смотрите на тех, кто отобрал у буржуа собственность, и вот что я, их товарищ, сделал с ними!» Думаю, Ротшильды с Рокфеллерами получили его мэссидж, чтобы уже без всяких препятствий придушить и коммунистов в США, и рабочее движение..

В вопросе о необходимости мировой революции для победы социализма в отдельных странах как у Жукова, так и у Чернявина с Павловой в головах царит невообразимый бардак. Мало того, что Жуков путает эту необходимость с помощью, а помощь - с экспортом революции, возможность которого которую марксизм отрицает. Вот что Жуков пишет: «Реакция — разумеется, не правительства СССР, а ЦК ВКП(б) и исполкома Коминтерна на второе за год в Европе выступление пролетариата с оружием в руках — оказалась подчеркнуто отстраненной, как и в феврале на события в Австрии. Ни денежных средств, ни оружия, ни профессиональных революционеров в Испанию не отправили... Зато именно в те самые дни был предан гласности новый курс Коминтерна, решительно порывавшего со своим одиозным прошлым «экспортера революций». Сначала парижская «Юманите», а затем и московская «Правда» опубликовали обращение ИККИ «К Социалистическому Интернационалу. К рабочим и работницам всех стран». ИККИ обращался ко вчерашним своим заклятым врагам «с предложением немедленных совместных выступлений как для оказания поддержки борющемуся испанскому пролетариату, так и для борьбы против поддержки правительства Леруса правительствами других капиталистических стран»».

Простите: так отказ... или помощь?? В своем ли уме Жуков?

Каждый, сталинист ли, троцкист ли, описывает события в Испании со своей кочки зрения, но помощь от СССР была, и немалая. Другое дело, что когда страны согласились отказаться от вмешательства, СССР этому соглашению последовал, а Германия – нет.

Очевидно, что от идеи мировой революции Сталин отказался. Осталась демагогия. "Победа социализма в одной стране является не самоцелью, а средством для развития и поддержки революции в других странах." (Сталин И. В. Вопросы и ответы. Сочинения. Т. 7. М. 1947. С. 168).

Сталин в выступлении на VII расширенном пленуме ИККИ: «...Строить социализм в СССР – это значит делать общее дело пролетариев всех стран, это значит ковать победу над капиталом не только в СССР, но и во всех капиталистических странах, ибо революция в СССР есть часть мировой революции, ее начало и база ее развертывания.»

Затем не стало ни ИККИ, ни самого Коминтерна, Сталин его разогнал, променяв на лендлиз.

От Жукова еще и не того можно ждать, вот, к примеру: «18 октября Китайская советская республика, этот реальный второй очаг всемирной революции, самоликвидировалась под несомненным давлением Москвы».

Во-первых, неясно, в каком году, потому что даты у Жукова прыгают, как козы. Вероятно, в 1934-м.

Во-первых, вторым очагом была Германия, после поражения революции в Германии Ленин объявил, что вряд ли и внуки увидят социализм.

В-третьих, никакой Китайской советской республики до 1934 года в природе не существовало, была Китайская республика во главе с Чан Кайши, и в 1934-м КПК основные силы компартии были блокированы в провинции Цзянси. Затем КПК организовала прорыв войск на Северо-Запад в «особый район» с центром в г. Яньань.

А как вам такая фраза: «... далеко не случайно, 18 января, во время работы съезда, газеты опубликовали две важные информации: «О приговоре военной коллегии Верховного суда по делу Зиновьева Г.Е., Евдокимова Г.Е., Гертик А.М. и других; а также «В народном комиссариате внутренних дел СССР», известившей об осуждении 78 видных сторонников Зиновьева. Они наглядно и убедительно продемонстрировали, что может ожидать несогласных с новым курсом Сталина... Сталин воспользовался в своих политических интересах первым же случайно представившимся предложением — убийством Кирова — совсем не для того, чтобы расправиться с рудиментарной оппозицией. Он прибег к крайним мерам, не применявшимся прежде к столь высоким по положению членам партии, только для того, чтобы заставить членов ЦК поддержать его новый курс. Отказаться от старой избирательной системы, а заодно и кардинально изменить конституцию...»

Значит, чтобы заставить членов ЦК поддержать его курс, надо, оказывается, их расстрелять. После такого выверта к Жукову относиться серьезно не приходится, разве что как к психически подорванному пациенту.

Вот еще шедевр:

«С 26 июля по 16 сентября тихо, без малейшей огласки арестовали первого заместителя наркома тяжелой промышленности Г.Л. Пятакова, заместителя наркома легкой промышленности Г.Я. Сокольников, заместителя наркома путей сообщения Я.А. Лившица, начальника Главхимпрома НКТП С.Л. Ратайчака, замначальника Цудортранса Л.П. Серебрякова, заведующего Бюро международной информации ЦК ВКП(б) К.Б. Радека, первого секретаря ЦК компартии Армении А. Ханджяна, заместителей командующих войсками военных округов: Ленинградского — В.М. Примакова, Харьковского — С.А. Туровского, военного атташе в Великобритании В.К. Путну, других когда-то открытых троцкистов, в том числе восстановленных всего год назад в партии Л.С. Сосновского, сотрудника «Известий», и Н.А. Угланова, хоть и прощенного, но оставленного на скромной должности в далеком Тобольске.

Все они оказались своеобразными заложниками. Их, как то бывало четыре-пять лет назад, могли после допросов освободить, понизив в должности ни выведя из ЦК, ЦИК СССР. Но могли сделать и обвиняемыми на каком-либо ближайшем процессе. Все зависело от обстоятельств, от дальнейшего развития события. В том числе и от позиции основного союзника французской и испанской компартий по народному фронту — социал-демократов». Вот, оказывается, в чем дело. «Мы будем его пытаться. Он ни в чем не виноват, мы могли бы отправить в его в концлагерь, он мог бы жить. Но Вы провалились...»

Вот, оказывается, какими соображениями руководствовался Сталин, убивая ни в чем не повинных людей! Кто-то говорит «злодейство», Жуков говорит «реформа», кто-то говорит «борьба за власть», Жуков говорит «внешние обстоятельства».

Большая фантазия приводит Жукова к следующему выводу: «... нельзя исключить и того, что на решение о замене Ягоды Ежовым повлияло завершение Троцким именно летом 1936 г. работы над рукописью книги «Преданная революция», которая содержала продуманную, теоретически обоснованную и предельно резкую критику политики группы Сталина и его лично». Нельзя исключить!

Обратим внимание: у Жукова Троцкий не клеветает, не извращает, не «льет воду на мельницу империализма», а продуманно и теоретически обоснованно критикует. И далее: «И Димитров, и Ворошилов использовали понятие «троцкизм» как условное, обобщенное обозначение не конкретного врага, а всего, что мешало тогда продвижению вперед; как ставший ритуальным, просто привычным риторический прием. Не более того».

Правда, для расстрелянных «троцкистов» - более того.

Завтра ветер поменяет направление, и Жуков снова перестроится.

Причем Жуков прекрасно понимает, что миллионы жертв репрессий – невиновны: «Прокопьевский процесс, скорее всего, должен был убедить население страны в том, что большинство аварий, если не все, происходит отнюдь не из-за крайне низкой квалификации рабочих, весьма слабых профессиональных знаний инженеров и техников, утвердившегося за годы пятилеток полного пренебрежения правилами техники безопасности. Происходят они по вине исключительно троцкистов — вредителей, диверсантов. На роль же символических жертв предназначались, как можно предполагать с большой долей уверенности, проживавшие и работавшие в Западной Сибири отнюдь не по своей воле видные троцкисты: начальник сельхозуправления ОРСа Кузбассстроя Н.И. Муралов (он был арестован сразу же после принятия решение ПБ о Кузбасском деле), начальник Сибмашстроя М.С. Богуславский, замначальника Химкомбинатстроя Я.Н. Дробнис. Все те, кто 15 октября 1923 г. подписал знаменитое «Заявление 46-ти» в поддержку позиции Троцкого». Отметим еще одну ошибку Жукова: не заявление, а «Письмо 46-ти» никакого отношения к Троцкому не имело.

Но через несколько страниц Жуков вновь уверен в виновности «врагов народа»: «Малоубедительные объяснения Бухарина и Рыкова, в которых явно звучала какая-то фальшивая нота, не вызвали к ним доверия...» Читайте Жукова, он насобирал массу просто обличительного – против Сталина! – материала.

Ну, например. Думаете, это А. Исаев и А. Колпакиди выдумали. Что Сталин хотел под конец жизни передать власть от партии Советам? Нет. Это придумал Жуков. Только он пишет, что Сталин хотел это сделать уже в 1936-м! Вот как он рисует выступление на пленуме ЦК Яковлева: «Как бы мимоходом, невзначай коснулся Яковлев и еще одной достаточно серьезной проблемы: «Партгруппы в советах и в особенности в исполкомах советов зачастую превратились в органы, подменяющие работу советов, в органы, кои все решают, а советам остается лишь проштамповать заранее заготовленное решение... Вывод отсюда: необходимо будет войти на очередной съезд партии с предложением об отмене пункта устава ВКПб об организации партгрупп в составе советов и их исполнительных комитетов с тем, чтобы все вопросы работы советов как в части хозяйственного, культурного и политического руководства, так и в части назначения людей обсуждались и решались непосредственно советами и их исполкомами без возложения на коммунистов обязанности голосовать в порядке партдисциплины за то или иное решение через партгруппы, не являющиеся выборными партийными органами». Так вроде бы неожиданно, чисто случайно возникла — и не где-нибудь, а на пленуме ЦК! — совершенно новая тема — постепенного выхода советов (правда, пока без указания — какого же конкретно уровня) из-под жесткого партийного контроля, превращения их в самостоятельную на деле, а не на словах, ветвь власти. Но разумеется, не для конкуренции или противостояния партийной, отнюдь нет. Главным образом для того, чтобы из нее в дальнейшем «черпать как из богатейшего резерва новые кадры для смены сгнивших или забюрократившихся». Именно так невзначай и прозвучала явно исходившая от сталинской группы оценка широкого руководства. Доклад Яковлева не вызвал какой-либо полемики». И далее: «Вызов, открытый вызов партократии был брошен». Но ведь не по словам, по делам судят. И как эта «тема» реализовалась в жизни? А никак. Но это опять не Сталин виноват! И плохое население ему попало, неготовое.

И вся книга переполнена партократическим идиотизмом: этого перевели на то место, того – на это, третьего – на пятое место, седьмого – на десятое... И всё перемешано с троцкистско-зиновьевско-бухаринскими «контрреволюционными террористами».

Глупостей у Жукова множество. Ну, еще пример: по Жукову живший в страхе, что его могут в любой момент прищучить, как Ягodu, Ежов начал собственную игру! Судя по книге – Ежов сам себя назначил. И плевал на Сталина. Как всегда в России, самый главный – нипричем.

Тем не менее, Жуков ценен для нас. И Павлова, и Чернявин не понимают сути, а именно: зачем были совмещены демократические выборы в ВС и массовые репрессии, в первую очередь – открытые Московские процессы. Это было единое целое, именно оба процесса – на показ Западу, чтобы Запад убедился: ни о каком социализме Москва и не собирается говорить.

Читайте Жукова! Жуков отмечает речь Сталина на VIII чрезвычайном съезде Советов СССР: «Сделал акценты Сталин в докладе на другом. Во втором (практически первом) разделе, «Изменения в жизни СССР за период с 1924 г. по 1936 г.», он охарактеризовал текущий момент как «последний период НЭПа, конец НЭПа, период полной ликвидации капитализма во всех сферах народного хозяйства». Вместе с тем повторил и собственный тезис полугодовой давности об исчезновении в Советском Союзе классического пролетариата. «Наш рабочий класс... часто называют по старой памяти пролетариатом», — сказал он и пояснил: «Наш рабочий класс не только не лишен орудий и средств производства, а наоборот, он ими владеет со всем народом... Можно ли после этого назвать наш рабочий класс пролетариатом? Ясно, что нельзя». Делегатам давалась возможность самим прийти к логическому заключению: раз нет пролетариата, то не может быть и его диктатуры».

Но дотошный делегат. Знакомый с работами Маркса, мог бы заметить: по Марксу социализм и есть диктатура пролетариата, если нет диктатуры пролетариата – нет и социализма.

Но. Сам Сталин утверждает, что в СССР в 1936-м окончательно победил социализм. Вам ничего не напоминает эта попытка усидеть на двух стульях?

Вслед за Сталиным выступал Молотов, вот как это описывает Жуков: «Молотов определил сущность закрепляемой конституцией социально-экономической формации — промежуточной, переходной между НЭПом и тем, что в теоретических марксистских трудах именовалось социализмом. Так он разъяснил положение, выдвинутое Сталиным о построении в СССР «экономических основ социализма». Только их, а не самого социализма. Для тех же делегатов, кто не смог бы сразу уразуметь сказанное, он добавил: «Конституция закрепляет социалистическую основу в экономике и общественном устройстве нашего государства.» НЭП — она. И никакого переходного периода между капитализмом и социализмом в природе нет. То есть: всем ясно, что никакого социализма в СССР нет в помине. Зато есть основы! Марксизм на марше. И мы помним, что далее будет еще и «развитой» социализм.

Посмотрите: Ельцин принял Конституцию — Сталин принял Конституцию.

Горбачев легализовал ВС СССР как буржуазный парламент — Сталин легализовал ВС СССР как буржуазный парламент.

Сталин истребил ленинскую партию — Горбачев изгнал из предприятий секретарей парткомов.

Сталин в 1936-м объявил об окончательной победе социализма, Горбачев объявил социализм с человеческим лицом.

Это была перестройка задолго до Горбачева, сталинская перестройка.

В качестве приложения — некоторые архивные документы.

Секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД ШИФРОТЕЛЕГРАММА

"ЦК ВКП стало известно, что секретари обкомов-крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным, как нечто преступное. ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП. При этом было указано, что физическое воздействие допускается, как исключение, и притом в отношении лишь таких явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, стараются затормозить разоблачение оставшихся на воле заговорщиков, — следовательно, продолжают борьбу с Советской властью также и в тюрьме. Опыт показывает, что такая установка дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа. Правда, впоследствии на практике метод физического воздействия был заглажен мерзавцами Заковским, Литвиным, Успенским и другими, ибо они превратили его из исключения в правило и стали применять его к случайно арестованным честным людям, за что они понесли должную кару. Но этим нисколько не опорочивается сам метод, поскольку он правильно применяется на практике. Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата, притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманной в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод. ЦК ВКП требует от секретарей обкомов, райкомов, ЦК нацкомпартий, чтобы они при проверке работников НКВД руководствовались настоящим объяснением.»

№ 1/с, 2/с, №26/ш. СЕКРЕТАРЬ ЦК ВКП(б) И. СТАЛИН. 20.01.1939 г.

Источник: АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 6. Л. 145-146. Машинопись (1-й экз.) с рукописными вставками. Согласно пометкам на архивном экз., машинописные копии посланы: Берия, Щербакову, Журавлеву, Жданову, Вышинскому, Голякову, и др. (всего 10 адресатов).

После смерти Сталина и Берии в стране проходила определенная работа по выяснению подробностей репрессий. В рамках этой работы допрашивали многих следователей и работников прокуратуры. Вот что показал на допросе Лев Шварцман, который участвовал в следствиях по делам высокопоставленных военачальников:

- Физические методы воздействия применяли к Мерецкову сначала высокие должностные лица Меркулов и Влодзимирский, а затем и я со следователями Зименковым и Сорокиным. Его били резиновыми палками. На Мерецкова до ареста имелись показания свыше 40 свидетелей о том, что он является участником военного заговора.

Командующий ВВС РККА, командарм 2 ранга Локтионов Александр Дмитриевич — один из немногих, кто выдержал длительные изощренные пытки и не дал компрометирующих показаний на других людей. Его мужество поражало даже выдавших виды следователей НКВД. Расстрелян в поселке Барбыш под Куйбышевом в 1941 г.

Из показаний бывшего следователя НКВД Семенова:

- Я лично видел, как зверски избивали на следствии Мерецкова и Локтионова. Они не то что стонали, а просто ревели от боли... Особенно зверски поступали со Штерном. На нем не осталось живого места. На каждом допросе он несколько раз лишался сознания... Локтионов был жестоко избит, весь в крови, его вид действовал и на Мерецкова, который его изобличал. Локтионов отказывался, и Влодзимирский, Шварцман и Родос его продолжали избивать по очереди и вместе на глазах Мерецкова, который убеждал Локтионова подписать все, что от него хотели. Локтионов ревел от боли, катался по полу, но не соглашался...

Из допроса бывшего следователя НКВД Болховитина:

"По указанию Влодзимирского в начале июля 1941 г. была проведена очная ставка Смушкевича с Рычаговым (начальники ВВС РККА в 1937-1938 гг. — прим. авт.) До очной ставки Влодзимирский прислал ко мне в кабинет начальника 1-го отдела следственной части Зименкова и его зама Никитина. Никитин в порядке "подготовки" Рычагова к очной ставке зверски избил его. После этого привели в мой кабинет Смушкевича, судя по его виду, очевидно, он неоднократно избивался. На очной ставке он дал невнятные показания о принадлежности Рычагова к военному заговору."

Начальник отдела УГБ НКВД БССР Сотников писал в своём объяснении:

"Примерно с сентября месяца 1937 года всех арестованных на допросах избивали... Среди следователей шло соревнование, кто больше "расколет". Эта установка исходила от Бермана (бывший наркомвнудел Белоруссии), который на одном из совещаний следователей наркомата сказал: "Ленинград и Украина ежедневно дают на "двойку" по одному альбому, и мы должны это делать, а для этого каждый следователь должен давать не менее одного разоблачения в день". Дела о шпионаже рассматривались не "тройками", а "двойкой", состоявшей из Ежова и Вышинского, которая рассматривала их на основании так называемых альбомов - списков обвиняемых с указанием их фамилий, имени, отчества и других установочных данных, краткого содержания выдвинутого обвинения и предложений следствия по приговору. Избиение арестованных, пытки, доходившие до садизма, стали основными методами допроса. Считалось позорным, если у следователя нет ни одного признания в день. В наркомате был сплошной стон и крик, который можно было слышать за квартал от наркомата. В этом особенно отличался следственный отдел."

Бывший начальник 3-го отделения 3-го отдела УНКВД Московской области лейтенант госбезопасности А.О.Постель за грубые нарушения законности (необоснованные аресты, применение пыток и т.п.) был в апреле 1940г. осужден к 15 годам лишения свободы. В 1956г., после отбытия срока наказания, он в многочисленных своих заявлениях в инстанции стал настаивать на своей реабилитации. В одном из заявлений он пишет, что сегодняшние военные прокуроры "... проявляют глубокое непонимание обстановки страха и трепета, царившего в 1937-1938гг. в органах НКВД, прокуратуры и судах... Если в 1937-1938гг. в моей работе были искривления в следствии и арестах, то они являются результатом внедренных тогда в аппарат физических методов следствия, прямо исходящих от наркома Ежова и вождя партии Сталина. Я, рядовой чекист, коммунист по служебному и партийному долгу, не мог выразить сомнения, подвергать критике или не выполнять этих указаний, а выполнение их приводило к незаконным арестам и репрессиям... Об этих физических методах следствия было хорошо известно прокурору СССР Вышинскому, председателю Военной коллегии Верховного суда Ульриху, которые преподносились нам, как защита интересов партии в ожидании войны..."

Источник: архив ВКВС РФ, Л.18,18 об., 19.

Колхозника Григория Чазова арестовали 5.12.1937, 19 февраля следующего года он был допрошен Н. Молевым, протокол подписал, не читая. Шесть дней спустя был переведен в Кемеровскую тюрьму, 20.3.1938 - в отделение Кемеровской тюрьмы в с. Ягуново, где содержались 312 человек, в том числе и его 63-летний отец Николай Чазов. Уже 22 марта около 21.00 всем заключенным было приказано немедленно собраться для отправки на этап. Их по одному выводили из камеры и направляли за дом, где уже была приготовлена братская могила.

Г. Чазова комендант тюрьмы сзади ударил по голове, а двое неизвестных, насунув ему шапку на глаза, повели за дом и сильным толчком бросили в глубокую яму. Упав в яму, Чазов почувствовал под собой тела стонущих людей. По этим людям неизвестные ему лица ходили и стреляли в них. Чазов, лежа между трупами, не шевелился и таким образом остался жив. А когда расстреливавшие люди уехали, оставив яму незакопанной, вылез и пошел домой в колхоз, находившийся за 45 км от места происшествия».

Вместе с братом Федором Г. Н. Чазов 4 апреля того же года приехал в Москву. Из приемной М. И. Калинина они оба были направлены в Прокуратуру СССР. На следующий день дежурный прокурор Главной военной прокуратуры военюрист 1-го ранга Качанов их допросил и затем сделал доклад начальнице 2-го отдела ГВП военюристу 1-го ранга Софье Ульяновой. С санкции армвоенюриста Н. С. Розовского оба (Федор как укрыватель беглеца) были арестованы. Прокурор Г. К. Рогинский тут же написал первому заместителю наркома внутренних дел Фриновскому относительно проверки дела и привлечения к ответственности лиц, «небрежно выполнивших приговор о расстреле». 20.6.1938 Григорий Чазов был расстрелян в Москве, а его брат 29 июля по докладу Рогинского осужден как социально вредный элемент на 5 лет заключения и отправлен на Колыму.

Дело №33160 на Чазова и еще 16 человек (все осуждены к расстрелу): обвинительное заключение составлено заранее 19.1.1938, допросы проведены 16-19.2.1938.

И. в качестве заключения.

ПЕРЕДАЧА «СУД ВРЕМЕНИ»

Как языком они метут,
То «средостение» подпустят,
То «нарративом» щегольнут,
А в головах на деле пусто.

Да впрочем, как они похожи,
Один фасон, один покрой:
Блондин еврей с румяной кожей,
Актер с холопскою душой.

Псевдонаучный балаган,
Дай бог, от нас они далече,
И рафинированный Млечин,
И суетливый Кургинян.